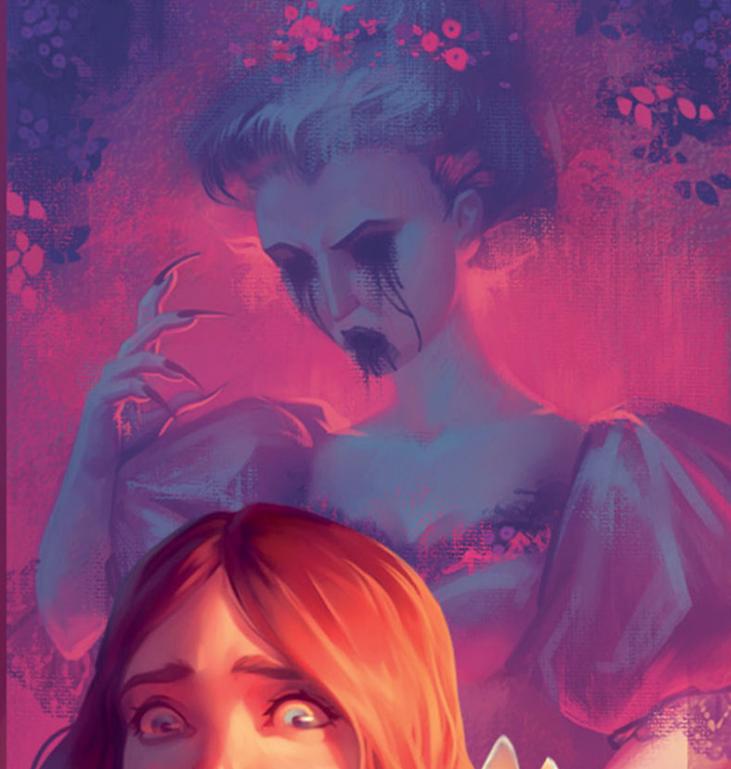

Софья Маркелова

ГНЕЗДО ЖЕЛНЫ

Гнездо желны

Софья Маркелова

Гнездо желны

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Маркелова С. С.

Гнездо желны / С. С. Маркелова — «Эксмо», 2023 — (Гнездо желны)

ISBN 978-5-04-193572-6

Уже много столетий семья Вари оберегает свой мир от древоточцев и чужаков из иных измерений. И очередное дело в художественной школе, где на всех портретах проступили призрачные лица, — одно из самых простых! Вот только после него с Варей и её сёстрами случается беда за бедой. Одну из их тётушек забирает Теневой вестник, а вторая оказывается в плену иллюзорного сна. С каждым днём в квартире появляются новые древоточцы, а стены всё больше поедает чёрная плесень... Кто же насыляет все эти несчастья? И какие секреты скрывают в семье Вари?

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193572-6

© Маркелова С. С., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Софья Маркелова

Гнездо желны

© Маркелова С., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Разработка серийного дизайна Лианы Абдрахмановой

Иллюстрации на обложке и во внутреннем оформлении Hell Alka

Во внутреннем оформлении использованы изображения: © AVA Bitter, Ozrolf, Alex Leo, latynina nataliya, Potapov Alexander, Ermak Oksana, Nalya Henda / Shutterstock.com

Посвящается тем, кто всегда рядом и всегда готов поддержать.

*Мама, папа, Слава и Лиза, без вас моей мечте так и суждено было
бы остаться только мечтой.*

Глава 1 Гнездо

Иногда, очень редко, случается так, что я слышу песнь ночного города. Это бывает в те дни, когда вокруг особенно тихо. Молчание мрака вдруг пререзает нежная, едва уловимая мелодия, будто прилетевшая издалека и случайно заплутавшая среди многоэтажек и подворотен. Город поёт без слов, убаюкивает своих жителей, принося им дивные сны, и тогда мне хочется верить, что *всё в этом мире действительно имеет свою силу*. Это любимые слова моей мудрой тётюшки Инессы, но вспоминаю я их обычно лишь в подобные таинственные

ночи, когда ощущаю себя неотъемлемой частью этого большого города – незримой тенью среди мириад погасших окон.

А с наступлением утра мир как будто вновь теряет глубину и наполняется привычной рутиной и бестолковым шумом. Вот опять пронзительно поскрипывает несмазанными петлями дверь, ведущая в комнату, а на кухне, сцепившись как две галки, во весь голос кричат друг на друга дорогие тётушки. Порой это кажется таким невыносимым, что вся квартира трещит по швам как старое платье.

– ... Ты не можешь так говорить! Я в ответе за своего сына! – высокий голос тёти Анфисы испарывает воздух, разносится эхом по комнатам и звонкими искрами ещё какое-то время мечется в стекляшках хрустальной люстры, венчающей потолок нашей прихожей.

– А что будет с тройняшками и гнездом, тебе, как всегда, безразлично?! – отвечает ей низким грудным голосом тётушка Инесса, которая хоть и не любит подобного рода ссоры, но почему-то раз за разом становится их участницей.

– София оставила их тебе! Это не моя забота!

Я тяжело вздыхаю и пальцем провожу над пламенем свечи, зажатой в моей ладони. Этот скандал повторяется уже который раз на этой неделе, и ни я, ни мои сёстры так и не можем сказать, в чём же причина размолвки между тётушками, сколько бы ни подслушивали. Итогов у этих кухонных баталий тоже никаких нет, только всю квартиру заволакивает чёрным смолистым туманом, дышать в котором практически невозможно. То ещё удовольствие бродить после по комнатам, будто где-то неподалёку горят торфяные болота, но почему-то никого это совершенно не волнует.

Палец после свечи мгновенно покрывается слоем копоти, и я его сразу же без каких-либо угрызений совести вытираю о чистую простыню на кровати. Всё равно не моя – тёти Анфисы, а её вещей совсем не жалко.

– Ты выбросишь их из гнезда, как только появится шанс!

– Будто бы ты с Димой обойдёшься иначе! – возмущённо восклицает Анфиса.

– Я никогда не прогоню ни его, ни тебя, пока сами не захотите!

– Это только на словах! А на деле, знаю я, выставишь за порог как щенка, потому что печёшься только о своих девчонках!..

Громкий удар кулаком по обеденному столу заставляет Анфису испуганно замолчать, поперхнувшись последней фразой. Я втягиваю голову в плечи, предчувствуя скорую развязку.

– Пока я старшая в этой семье, никто не смеет сомневаться в моих словах! – гремит гневный голос тётушки Инессы. Противно скрежещет отодвигаемый стул, и на кухне становится на одну душу меньше. Эта душа, правда, сразу же возникает на пороге смежной с кухней комнаты, где на краешке кровати и сижу я, свесив ноги вниз и ловя капельки воска, сползающие вниз по свече белыми червячками.

– Варя, убери там, – строго просит тётушка и уходит. На моих глазах она поворачивает свой медный ключик в замочной скважине ведущей в кладовку двери и сразу же исчезает за ней. Совсем исчезает, покидая гнездо бесшумно, как привидение, и, судя по всему, не намереваясь сюда возвращаться раньше ужина. И куда только она сбегает так рано утром в выходной день?

– Варя, вот и ты наконец! – едва заведя меня у входа на кухню, нетерпеливо восклицает тётя Анфиса, даже не озаботившись пожеланием доброго утра. – Мы тут с Инессой слегка повздорили... Ну да это не так важно! Мне уже пора бежать. – Словно она не знает, что я опять подслушивала из её комнаты и в курсе всех криков. Трудно, знаете ли, не подслушивать, когда весь дом ходуном ходит от такого шума с самого утра. – Варя, ты тут всё прибери! Только тщательно! А то вчера ты ванну вроде бы мыла, а разводы грязи на стенках остались, будто ты её и не касалась, – уже засовывая ноги в туфли в прихожей, непрерывно бормочет Анфиса. Через пару минут хлопает входная дверь, и тёти уже и след простыл.

Остались лишь я, белая, истекающая воском свеча и непроглядная тьма, сажей поднимающаяся под самый потолок кухни.

Вечно я за всех убираюсь, а потом ещё и упрёки выслушиваю!

Размахивая свечой из стороны в сторону, я начинаю ходить от стены к стене, прогоняя туман, набежавший от злых слов тётушек, и стараюсь не капать воском на пол. А то мне же и придётся потом его соскабливать.

Клубы медленно и неохотно развеиваются. Едва во всей квартире светлеет, я, посплюнув пальцы, гашу фитиль и быстро выбрасываю в мусорку полностью почерневшую свечу.

* * *

Вечером, как и ожидалось, про скандал никто даже не вспоминает. Вся семья собирается за одним столом на ужин к восьми часам, как заведено. Сперва все молчат и сосредоточенно жуют курицу, пересушенную в духовке моей старшей сестрой Ольгой, которая уже который год пытается отыскать в себе несуществующие задатки великого повара. А после, выковырив из зубов резиновые волокна, за чаем с конфетами мы с ленцой делимся последними новостями дня.

– Кстати, нас просили заглянуть в художественную школу, – первой заговаривает тётя Анфиса, с противным звуком прихлёбывая горячий чай.

– Андрей Васильевич опять? – спрашивает тётушка Инесса. – Не иначе снова у них в западном коридоре шалят.

– В этот раз не всё так просто! – с лёгкой гордостью в голосе, будто это её рук дело, отвечает Анфиса. – Говорит, лица являются.

– Лица? – удивлённо переспрашивает круглый, как шарик, румяный Дима, набивая щёки покупным печеньем. – Что ещё за лица такие?

– Надо смотреть, – лаконично произносит Инесса. – Но не в ближайшее время.

– Он завтра просит, – между делом упоминает её сестра.

– Никак не могу. Ни завтра, ни послезавтра. Ни вообще на этой неделе.

– Что у тебя там за дела ещё такие? – ворчит Анфиса, её чашка звонко ударяется о дно блюда.

– Сама знаешь. У Брусникиных в окна заглядывают. Надо весь день караулить на подоконнике как наседке, чтобы не пропустить. Ещё на работе двое на больничном – заменять их некому, кроме меня. Ничего не поделаешь, подождёт Андрей Васильевич со своими лицами.

– Ой, а можно мы сами посмотрим на лица, тётушка? – тихим голосом просит Лера, наша младшая сестра. Прелестный ангел с проказливой душой, которого иначе как Лерочкой никто в семье не зовёт, хотя ей давно уже не пять лет.

– Нет, мой птенчик. – Склонившись к племяннице, Инесса гладит её по выгоревшим на солнце, светлым, торчащим во все стороны волосам. – Не ясно, что там Андрею Васильевичу привиделось. Вечно он придаёт ничего не значащим вещам чересчур много смысла. Мне нужно лично во всём убедиться.

– Ну мы ведь тоже с таким справимся, – ворчу я со своего места, языком перекатывая за щекой яблочный леденец.

Тётушка бросает на меня поверх маленьких очков свой непроницаемый серый взгляд. В нём читается бездна опыта и капелька сомнений.

– Ты так в этом уверена?

После подобного вопроса обычно никто уже ни в чём уверен не бывает. Вот и я иду на попятную:

– Н-нет...

– Вот и не прыгай выше головы.

– Но мы ведь можем и помочь чем-нибудь! – просится Ольга. – Так всё лето пройдёт, опять школа начнётся, а мы все каникулы как узники по разным комнатам просидим...

– Будто есть в этом что-то дурное, – бормочет Анфиса себе под нос и сразу же скрывается от недовольных взглядов за чашкой с чаем.

– Ничего интересного предложить не могу. – Инесса пожимает плечами, отчего её чёрная пушистая шаль чуть сползает на спину, но тётушка сразу же ловит беглянку. – Хотя есть одно дело... В гнезде последнее время не слишком спокойно. Вредители повывлезали из своих щелей, будто предчувствуют перемены. Нужно их изводить, пока не попрятались обратно.

– Всё верно они предчувствуют. – Прищурившись, Анфиса прожигает сестру непримиримым взглядом.

– Умолкни, ворона, – резко шикает тётушка в ответ. – Так вот. У меня в шкафу стали вещи пропадать. Вы уже взрослые, сами знаете, что нужно делать. Мне возиться неохота, да и некогда, так что выведите древоотцов и отыщите все мои пропажи. Такое вам по силам, думаю.

Ольга сразу же расцветает, я тоже охотно киваю, радуясь, что хоть какое-то занятие появилось. Не часто нам доверяют полноценную работу, пусть и в границах дома.

– Дима, – обращается Анфиса к сыну, – ты тоже помоги.

– Ладно, мам, – лениво бурчит он в ответ, хотя по блеску в глазах видно, что в душе он очень даже рад новому делу и тому, что и о нём не позабыли.

– Так и порешим.

Тётушка хлопает в ладоши, закрепляя свои слова, и возвращается к чаю. Вновь стучат ложечки, шуршат фантики, и наша семья, быстро закончив ужин, расходится по своим комнатам.

* * *

Едва утром тётки покидают гнездо, разлетаясь по своим делам, мы уже готовы трудиться. Нам доверили работу! Давно такого не было, и надо не подвести семью, сделать всё по уму и как можно лучше, чтобы и придраться было не к чему.

Ольга первой просыпается, будит нас с Лерой, свернувшихся клубочками на своих кроватях, и зовёт Диму, который в одной пижаме сразу же прибегает на зов, будто давно уже сидел в коридоре под дверью и только и ждал приглашения войти.

– Давайте-давайте! – строго поторапливает старшая сестра, заплетая свои длинные волосы в крепкую толстую косу. – Быстрее начнём – быстрее похвастаемся итогами работы! Сейчас сделаю завтрак – и вперёд!

Ольга удаляется на кухню, с щелчком зажигает газ и начинает лазать по шкафам, гремя посудой как беспокойный призрак. Я слышу, как она тихо напевает себе под нос какую-то навязчивую мелодию и, шлёпая тапочками, бродит туда-сюда, пребывая в отличном расположении духа.

Мы же с Лерой, протирая заспанные глаза, идём умываться. В ванной зеркало опять забрызгано мятной зубной пастой, и её свежий аромат витает над раковиной.

Младшая сестра что-то невнятно бормочет, не вынимая щётки изо рта. Белая пена течёт у неё по губам и капает на воротник пижамы.

– Неряха! – Я мокрой ладонью убираю мятную кляксу с её одежды. – Чего ты там сказала?

– У меня вчера бусины под кровать закатились, – повторяет Лера и вновь пачкается пастой. – Я хотела их собрать, но не достаю...

– Сейчас посмотрим, – обещаю я, а сама слежу, как бы Лера не вымазалась вся в белой пене. Удивительный ребёнок – она может выглядеть невинным ангелом, сидя посреди лужи. Грязь пристаёт к ней как намагниченная, а Лера даже внимания на это не обращает. Если бы не

мы с Ольгой, то она бы уже давно превратилась в дикарку со спутанными волосами, чумазым личиком и дырявой одеждой.

В нашей общей детской сестра первым делом лезет под свою старую металлическую кровать и кричит оттуда:

– Вон там! Видишь? Они рассыпались, а я не дотягиваюсь.

Я опускаюсь на колени и, касаясь ухом холодных половиц, заглядываю под кровать. Там темно и ужасно пыльно, хотя недавно моя метёлка была и в этом безрадостном месте – я готова поклясться! Ничего не видно, и только от дыхания клочки пыли перекатываются как невесомые облака.

– Неси из коридора веник, – строго велю я и, как только верная метёлка оказывается в руках, сразу же тянусь ею в дальний угол.

Веник без единого звука мгновенно кто-то крепко хватает и со всей силы начинает его дёргать. Я впиваюсь пальцами в ручку, не собираясь так просто сдаваться, будто этот веник мне дороже всего на свете. Лера, распахнув свои большие ясные глаза, с интересом наблюдает за тем, как мы играем в перетягивание метлы целую минуту. Но в конце концов вредитель побеждает, вырывает веник из моих ослабевших рук и с грохотом утаскивает его под кровать.

– Вот же ж! – Я возмущена до глубины души, даже чувствую, как покраснелись щёки. Права тётушка – в гнезде что-то неспокойно. Раньше древоточцы не вели себя так вызывающе дерзко! Я опять заглядываю под кровать – и там мой веник сиротливо покоится в самом тёмном углу, окружённый своими верными подданными: пылью и мраком. – Ну ладно! Сам попросился!

Схватившись за край изголовья, я, пыхтя от натуги, тяну на себя дребезжащую металлическую конструкцию, скрежеща ножками по полу. Едва кровать немного отходит от стены, Лера ныряет в образовавшуюся щель и гордо достаёт веник вместе с россыпью своих стеклянных бусин. Вся в пыли, уже совершенно чумазая, как бесёнок, но очень довольная.

– Всё! Давай задвигай! – звонко командует она, покидая угол.

– Ну уж нет! Эта нечисть подкроватная там не останется! Веник забрал, бусины украл – надо его гнать отсюда, пока не отъелся!

Лерочка грустнеет на глазах. Знает, чем это чревато. Живущих в пыли гонят чистотой – это всем в гнезде известно. А уборка в нашем доме в чести лишь у меня. Но куда же белокурый ангелок пойдёт против слова старшей сестры! Я, конечно, не Ольга, но и со мной не забалуешь. И вот Лера уже покорно несёт из ванной комнаты мокрую половую тряпку, а у самой на лице отчаяние пополам с жалостью к себе.

– А завтрак скоро будет? – Круглощёкий Дима заглядывает в комнату, но, едва завидев тряпки и веник, мгновенно развернувшись на пятках, молча растворяется в тенях коридора.

– Некогда завтракать! – Задрав подол длинной ночной рубахи, я падаю на колени и начинаю размазывать по полу разлетевшуюся пыль. Двигаюсь от центра комнаты к углу, где серые катышки уже сами собой стягиваются к плинтусу. Чует вредитель, что по его душу идут! Мокрая тряпка скользит по доскам, оставляя за собой влажный след, а за ней с сопением ползу я, бормоча проклятья в адрес незваного гостя. Следи, не следи, а всё равно в гнездо постоянно кто-то просачивается – нам же остаётся лишь своевременно избавляться от древоточцев, хоть это не всегда легко и приятно.

Едва грязным остаётся лишь малый уголок, куда собирается вся пыль, я одним движением смахиваю её тряпкой и, скомкав своё смертоносное орудие чистоты, несу его в ванную промывать под водой. Поток засасывает комок пыли в воронку и с чавканьем отправляет в канализацию. Бесславная гибель для вредителя!

Кровать со скрипом встаёт на место, бренча панцирной сеткой, и вот мы с Лерой, уже переодевшиеся и готовые полноценно позавтракать, ныряем в освещённую солнцем кухню. За пустым столом, застеленным бордовой бархатной скатертью, никого нет. Тихо покачивается

круглая люстра в выцветшем, некогда коралловом абажуре, и горит одинокая конфорка, на которой нет ни кастрюли, ни сковороды.

Я заглядываю в комнату тёти Анфисы. Дима, играя в смартфоне в какую-то очередную бестолковую стрелялку, которые он обожает, молча сидит на своём раскладном диване в углу, ни на что не обращая внимания.

– А где Оля? – в недоумении спрашиваю я двоюродного брата.

– Полезла в чулан за кастрюлями и пропала, – равнодушно отвечает он, не отвлекаясь от телефона.

– Ясно...

Я возвращаюсь на кухню и выключаю конфорку. Лера назойливо крутится возле, с надеждой в голосе то и дело просит достать с верхней полки шкафа конфеты.

– Нечего! – шикаю на неё. – Appetit испортишь, потом Ольга на меня злиться будет. Лучше иди сядь.

Лера падает на стул и роняет голову на сложенные руки, обиженная на меня за суровый тон.

А вот я, уже чуя неладное, быстро иду в чулан. Оли там нет, зато есть две блестящие кастрюли, они стоят на полу напротив друг друга. Одинаковые, никто не отличит. Ни пятнышка, ни пылинки на них нет, словно специально кто-то чистил весь день. Только от одной явственно пахнет репейным маслом для волос, столь любимым моей дорогой сестрой Ольгой, и почему-то крышка нервно подпрыгивает, будто внутри что-то кипит. Я без промедления плюю в соседнюю, незыблемую и неподвижную. От подобного обращения и негодования у неё ручки чернеют на глазах. А кому понравится, когда в тебя плюют? Зато вредитель сразу же снимает морок с Ольги, позволяя ей вновь принять свой привычный вид: сидит сестрица на полу, согнувшись в три погибели, ладошки по бокам держит на манер ручек и только зубами скрежещет со злобы.

– У! Я ему устрою! – восклицает старшая сестра сразу же, как только осознаёт свою человеческую сущность и вернувшуюся теплокровность. Едва она заносит кулак над оставшейся кастрюлей, та и вовсе вся чернеет до самой крышки, будто закоптилась хорошенько, и в воздухе появляется явственный запах горелого, быстро разносящийся по всей квартире.

– Кто это там что сжёт? – сразу же кричит из комнаты Дима. – Опять, что ли, Ольга про кашу забыла? Сегодня жареная вместо недоваренной будет?

Оля краснеет и от чистого сердца пинает кастрюлю, та, подпрыгивая и гремя, укатывается в самый центр кладовки.

– Я к тебе ещё вернусь! – грозит сестрица кастрюле, потрясая кулаком, и, схватив с полки тару поменьше, быстро убегает на кухню, лелея в своём сердце мечту о скорой расправе.

Каша мы, конечно, ждём ещё полчаса, и Ольга всё же пропускает момент, когда овсянка переваривается и начинает прилипать ко дну кастрюли. Сгоревшую часть она любезно оставляет себе, хоть толку от этого мало – всё равно вся каша пропитана запахом гари.

Теперь, после плотного завтрака, наконец пора приступать к выполнению тётушкиного задания, от одной мысли о котором хочется в предвкушении потерять ладони.

– Ну-с, что тут у нас? – заглянув в шкаф в комнате Инессы, важно изрекает Ольга.

Вообще спальня тётушки всегда была и остаётся самым приятным и убранным местом в доме. Во многом благодаря моим усилиям, конечно, но и сама Инесса никогда не позволяет пыли и беспорядку надолго задерживаться на её территории. Книжки, в рядочек расставленные по шкафам, имеют какой-то порядок, ведомый лишь тётушке. Тонкий изящный ковёр с бахромой блестит ослепительной чистотой, и даже в тапках ходить по нему кажется кощунством. На кровати высятся взбитые подушки, накрытые расправленным и выглаженным пледом. Со стен смотрят старые чёрно-белые фотографии семьи. Инесса, Анфиса, наши бабушки Вера, Милана, Галина и даже нечёткий выгоревший снимок прабабушки Акулины, весь в паутине

царапин и трещин. Здесь есть и моя мама: портрет овальной формы висит над тумбочкой возле кровати, и с него на нас с сёстрами смотрит молодая изящная женщина с плавным изгибом шеи и усталым бархатным взглядом. Красавица, каких поискать. Раньше я часто бегала в комнату тётушки, чтобы полюбоваться мамой, хоть Инесса и не любит, когда к ней заходят без спроса. Потом я всегда стояла у зеркала в ванной, по часу разглядывала своё лицо, пытаюсь отыскать черты матери. Надеюсь, однажды я стану такой же красивой, как она. Мне бы этого хотелось. Хотя вон Ольга совсем не походит на маму – нос острый, брови прямые, как по линейке, и нет в её облике ни женственности, ни нежности – только какая-то неестественная прямота в каждой черте и строгость. Будто ей всего неделю назад исполнилось не пятнадцать лет, а уже все сорок!

Лера тоже боится без разрешения заходить в комнату тётушки, хоть и знает, что своей любимице Инесса ничего не скажет. Сестра робко встаёт в сторонке, будто готовая в любой момент убежать, а вот Дима сразу же с любопытством бросается разглядывать старые фотографии.

– Мы сюда по делу пришли! – напоминает Ольга, копаясь в шкафу.

Его тёмная громада занимает целый угол в комнате тётушки, и вытянутое узкое зеркало ходит в зажимах, стоит только коснуться дверцы, где оно висит. Инесса раньше часто с гордостью рассказывала, что шкаф достался ей по наследству и хранит в себе дух множества поколений, и почему-то я всегда верила в эту историю. Наверное, это потому, что от старого дерева пахло древностью и немного дряхлостью. Шкаф, кажется, всегда был – и всё ещё является – главным элементом этой комнаты, и остальная мебель стоит тут исключительно ради того, чтобы подчеркнуть величие этого молчаливого мрачного гиганта на мощных коротких ножках.

– А что пропало-то? – интересуюсь я у старшей сестры, опасливо заглядывая в чрево тёмного шкафа. В лицо сразу же бьёт терпкий запах лавандовых саше, которые тётушка обожает раскладывать между стопками чистой одежды и глаженным постельным бельём.

– Я слышал про драповое пальто, – доносится голос Димы из угла, где он без какого-либо стеснения рассматривает содержимое прикроватной тумбочки.

– Не лезь куда не просят! – сурово грозит Ольга брату, и тот сразу же захлопывает тумбочку, делая вид, что он тут ни при чём. – Мне тётушка говорила про белые туфли и пуховую шаль.

– Прежде чем искать, всё равно нужно из шкафа выселить вора, – припоминаю я уроки.

– Верно-верно, – Ольга кивает. – Чего боится живущий в шкафу?

– Уборки! – восклицает Лера.

– Моли! Моли! – твердит со стороны Дима.

Я мгновение в нерешительности переминаюсь с ноги на ногу, пытаюсь подобрать вариант ответа получше, и в конце концов неуверенно предполагаю:

– Что его затопят?.. Дерево ведь разбухнет и потом развалится...

Ольга хмыкает:

– Ты близка, Варька. Но огонь для деревянной мебели будет действеннее всего.

– Ух ты! Класс! – Лера широко распахивает глаза, предвкушая зрелище. – Будем прямо настоящий костёр разводить в шкафу?!

Старшая сестра уходит на кухню и возвращается с коробком спичек.

– Так! Я буду делать, а вы смотрите, куда побежит! Только не пропустите, иначе ещё неделю не същем.

Сноровисто чиркнув серной головкой, Ольга поджигает зажатую в руке смятую бумажку и бросает её на подготовленное заранее блюдо. Огонь жадно охватывает бумагу, разгорается сильнее, а сестра тем временем протягивает руку с тарелочкой внутрь шкафа.

Свет на мгновение озаряет темноту, пламя вытягивается узкими языками, так и норовя добраться до развешанной одежды, но Ольга следит, чтобы ничего не загорелось. Через минуту, когда лёгкий запах копоти ненавязчиво начинает щипать ноздри, вредитель нако-

нец-то решает показаться. С верхней полки с грохотом срываются на пол несколько обувных коробок, гремят вешалки, сдвигаясь в хаотичном порядке, и одна из створок резко захлопывается.

– Следите за ним! – кричит Ольга.

С вешалок начинает падать одежда, и сестре приходится загасить огонь, чтобы пламя не перекинулось на ткань. В тот же миг всё успокаивается, коробки замирают на местах, никаких звуков из шкафа больше не доносится.

– Ну и где он? – оглядываясь по сторонам, вопрошает старшая сестра.

Дима расстроено пожимает плечами.

– Я ничего не увидел, – горестно признаётся он.

– Мне кажется, он нырнул в нижний ящик, – неуверенно говорю я, хотя до сих пор сама не знаю, правильно ли отследила путь вредителя, искавшего себе новое укрытие.

Тут голос подаёт Лера, всё это время робко жавшаяся к стене возле входа в комнату:

– Он ушёл в зеркало. Я видела мелькнувшую тень.

– Нехорошо это, – подводит итог Ольга, ставя блюдо с пеплом на пол. Она необычайно сосредоточенна, по-взрослому серьёзна. Даже в её взгляде, направленном на зеркало, читается собранность и непритворная озабоченность происходящим.

– И что делать дальше? – озвучивает общий вопрос Дима, садясь на край кровати.

Все мы вдумчиво изучаем зеркало, которое, кажется, никак не изменилось. С первого взгляда можно даже посчитать, что никого в нём нет. Но стоит мне, широко раздув ноздри, втянуть носом воздух, как становится ощутим едва уловимый запах гнили. Это сладковатая вонь прелых яблок, горечь трухлявой древесины и кислая затхлость. Смерд идёт от зеркала. *Чутьё* никогда не подводит. Хотя в семье лишь у тётушки Инессы как у старшей в гнезде оно развито в достаточной степени, но и нам *чутьё* порой неплохо помогает, хоть владеем мы им все на весьма и весьма посредственном уровне. А Дима и вовсе почему-то до сих пор не научился пользоваться своим *чутьём*, что давно уже стало для нас предметом постоянных шуточек.

– По-хорошему – надо бить, – говорит Ольга.

– Инесса этому точно не обрадуется, – предупреждаю я.

– А какие у нас ещё варианты? Из зеркала его никак иначе не выцепить!

Ольга приносит из кладовки старую разорванную простыню и стелет на пол. А потом прямо на наших глазах берёт вешалку и металлическим уголком бьёт в центр зеркала. На гладкой поверхности появляется сеть длинных чёрных трещин, и почти сразу же осколки медленно начинают падать вниз как куски облупившейся краски, поднимая лёгкую дымку. Едва последний острый фрагмент оказывается в простыне, Ольга быстро связывает углы ткани:

– Я пойду выброшу всё это дело. А вы пока давайте ищите пропавшее!

Мы втроём разбредаем по всей квартире. Наступает самое интересное время – поиски спрятанных древоточцем вещей. Обыкновенно такие вредители ищут надёжные укрытия, где оставляют сворованные предметы, и подчас далеко не все из них удаётся отыскать. Но после изгнания вора с вещей спадает морок, и они становятся видны простому глазу. Это существенно облегчает нашу задачу.

Едва я переступаю порог детской, как сразу же замираю на месте с раскрытым ртом. Прямо возле люстры, размахивая своими углами на манер крыльев, порхает тётушкина белая пуховая шаль. Она летает кругами, медленно и плавно – эдакая большая красивая птица, случайно попавшая к нам в комнату через распахнутое окно.

До высоких потолков оказывается не так-то просто дотянуться. Первую минуту я пытаюсь своими силами поймать шаль, подпрыгивая на кровати Ольги, но терплю поражение. Приходится сдаться и идти за шваброй, а дальше уже её черенком ловить пропажу. Едва пуховая

шаль оказывается в моих руках, она мгновенно успокаивается, окончательно лишённая всех сил, которыми её успел наделить вредитель.

Первый улов есть!

У остальных дела идут гораздо хуже. Дима бегаёт из одной комнаты в другую как заведённый, надеясь быстрее всех отыскать вещи, но ему всё не везёт. А вот Лера, бледная как моль, без движения стоит в прихожей возле входной двери и не моргая смотрит на вешалку, жмушущуюся в тёмном углу к напольному зеркалу.

– Ты чего?.. – не понимаю я сперва, а потом мне и самой удаётся разглядеть то, что так испугало младшую сестру.

На вешалке на одном из крючков висит тяжёлое драповое пальто. Его вытянутые рукава безжизненно свисают вниз, воротник поднят, и почему-то кажется, что за ним скрывается чьё-то лицо. То ли венчающие вешалку шапки и шарфы создают такую странную иллюзию, то ли из тени воротника и правда кто-то глядит.

– Жутко... – тянет Лера, почти не дыша. И я её прекрасно понимаю! Сама чувствую, как холодеют пальцы на руках.

Внизу стоят старые резиновые сапоги тётушки Инессы – высокие голенища уходят прямо под пальто. Из-за этого ещё больше кажется, что в тёмном углу скрывается какой-то молчаливый чужак, не ясно как проникший в гнездо и прячущий своё лицо.

– Не бойся! – силло говорю Лере, делаю короткий шаг вперёд и тяну руку к вешалке.

Едва только мои пальцы касаются пальто, как его рукав взмывает в воздух. Я вскрикиваю от неожиданности, где-то за спиной пищит от ужаса вжавшаяся в стену младшая сестра. Быстро – быстрее, чем успеваю об этом подумать – уже хватаю ткань и резко дёргаю на себя. Пустое пальто падает с вешалки и остаётся в моих руках. Под ним никого нет: только внизу старые сапоги, а наверху на крючках шапки.

– Ну чего вы тут копаетесь? – из приоткрытой входной двери показывается голова Ольги, вернувшейся с улицы. Она со смешком смотрит на наши с Лерой бледные лица и драповое пальто, которое я всё ещё инстинктивно сжимаю в пальцах.

В прихожую в очередной раз вбегает Дима, курсирующий по квартире как скорый поезд.

– Я ничего не нашёл, – расстроено сообщает он и, заметив, что наш улов оказался куда весомее, обиженно надует свои круглые щёки.

Весь следующий час посвящён поискам белых туфель. Мы тщательно осматриваем всё гнездо, заглядывая в каждую комнату, шкаф и тумбочку, но обуви просто след простыл.

– Ты уверена, что туфли были? – в который раз спрашиваю я Ольгу, на коленях ползая возле нижних полок в кладовке и пытаюсь нащупать руками хоть что-нибудь.

Рядом сиротливо лежит закоптившаяся кастрюля, которую старшая сестра обещала выбросить, как только у неё дойдут руки. Но вот уже минула середина дня, а руки так и не дошли. И теперь испорченная кухонная утварь послушно дожидается своей участи, закатившись под полку и надеясь так там и остаться.

– Точно были! – твердит сестра, подпирая плечом косяк. – Ищи хорошенько! Кроме кладовки, им негде больше лежать.

Однако по прошествии ещё одного часа поисков ничего не меняется. Туфель нет. Ольга злится, что порученная нам работа так и не доведена до конца, а в гнезде впору уже проводить новую уборку, поскольку мы подняли кучу пыли из всех углов.

– Может, хватит? – первой не выдерживает Лера. – Я уже устала. А я сегодня ещё хотела фенечку доплести.

– Мне тоже надоело. Скучно! – ворчливо признаётся Дима, падая на стул на кухне и доставая из кармана смартфон.

– Толку от вас нет никакого! – мгновенно вспыхивает Оля. – Идите отсюда все тогда! Посуду помою, потом сама буду искать, если от вас никакой помощи не дождёшься!

Я чувствую лёгкие уколы совести, впрочем, как и Лера с Димой. Но им это почему-то совсем не мешает разойтись по своим комнатам. А вот я остаюсь. Не люблю расстраивать старшую сестру. Она и так из всех нас тут самая ответственная.

– Дай помогу с уборкой, – бурчу я, бедром легко отталкивая её от раковины и сдвигая к себе грязную посуду.

– Ты чего это, Варька? – сразу же спрашивает она, хмуря свои прямые брови. – Иди уж тоже отдыхай с остальными.

– Не, я тебе сперва помогу. Потом пойду, – сбивчиво бормочу себе под нос.

Ольга только громко фыркает, но я вижу, что моя забота на самом деле ей приятна. Она прячет мимолётную улыбку в уголках губ и начинает протирать стол мокрой тряпкой. Я тем временем ставлю в раковину кастрюлю из-под подгоревшей каши, открываю крышку и тут же замираю, едва сдерживая рвущийся из груди хохот.

На дне кастрюли в остатках каши лежат белоснежные туфли тётушки Инессы.

– Что ты там увидела? – Ольга вытягивает шею и заглядывает внутрь. На лице её отражаются одновременно возмущение, злость и вместе с тем безумное облегчение.

– И когда только успел их сюда засунуть! – выдыхает наконец сестра.

– Тем не менее работу мы сделали, – улыбаюсь я. – Тётушка Инесса будет довольна!

* * *

Вечером за ужином на кухне собирается вся наша большая семья, как и заведено. Мягкий свет люстры падает на стол, где представлен очередной шедевр моей старшей сестры – слипшиеся спагетти, густо политые кислым томатным соусом с вкраплениями сухого базилика. В этот раз от блюда хотя бы идёт приятный запах, и никто даже не воротит нос, накладывая себе в тарелку разваренные макароны, гордо прозванные Ольгой «спагетти под соусом болоньезе».

Едва все немного утоляют свой голод, моя нетерпеливая старшая сестра сразу же гордо объявляет результаты охоты на древоточца.

– Ничего не забыли, – осмотрев свои возвращённые и почищенные вещи, резюмирует довольная тётушка. – Молодцы! Хорошо сегодня поработали.

Мы все сразу начинаем улыбаться, растаяв от заслуженной похвалы. Особенно млеет от восторга Дима, хотя он-то как раз ничего так и не нашёл.

– И где вредитель сидел? – сухо любопытствует Анфиса, наматывая на вилку одинокую макаронину оставшуюся на её тарелке.

– Сначала в шкафу, потом забрался в зеркало, – отвечает Оля, а после виновато добавляет, поглядывая на Инессу: – Нам пришлось его разбить...

Тётушка слегка вздрагивает, а потом окидывает племянницу хмурым взглядом:

– Нехорошо.

Вся семья тут же замирает. Никто не стучит столовыми приборами, не жуёт – все только молча переглядываются. Если тётушка так говорит – значит, действительно ничего хорошего мы не сделали. Она никогда попусту словами не разбрасывается.

– Дурное это дело – разбивать зеркала, – тихо продолжает свою мысль Инесса и, поставив локти на стол, упирает подбородок в переплетённые пальцы, унизанные массивными перстнями. – Много чего они видят на своём веку, много плохого в себе хранят – чужие слёзы, горе, сомнения. И едва разрушается зеркальная грань – всё это попадает в наш мир.

Лера громко ахает, хватаясь за скатерть. Я нервно сучу ногами и кусаю губы, думая над словами мудрой тётушки. Если всё действительно обстоит именно так, как она говорит, то в дальнейшем ничего доброго гнездо не ждёт.

Глава 2

Кукольная хозяйка

С того самого дня всё в гнезде становится каким-то странным. Хотя тётушка Инесса всё ещё неустанно продолжает твердить каждый вечер, что семье ничего не угрожает, но мы-то видим, что в квартире происходят перемены. Древоотцы неумолимо наводняют все комнаты, прячась порой в самых неожиданных местах и очень портя нам жизнь. Мне, например, не повезло в четверг застрять в полу посреди прихожей. Ноги просто провалились сквозь половицы как в трясину и увязли там. Ни шелохнуться, ни с места сойти. Как назло, дома почти никого не было. Только Лера, которая по своему обыкновению купалась в ванне и из-за шума воды ничего не слышала, да Оля – она, надев наушники, половину дня сидела в своём планшете и переписывалась с кем-то из одноклассников. Так я и стояла четверть часа посреди прихожей, пытаясь докричаться хоть до одной из сестёр.

Когда хлопнула скрипучая дверь детской и на пороге показалась Ольга в наушниках, я уже знатно осипла. Но она лишь с задумчивым видом прошла мимо меня на кухню, будто и не заметив, заварила себе чайный пакетик чуть тёплой водой и двинулась обратно, вальяжно

рассекая пространство, как крейсер – волны. Она даже не обратила внимания на свою сестру, по лодыжки увязнувшую в полу.

– Оля! – не выдержала я, когда она прошла мимо во второй раз, уже возвращаясь в нашу детскую с чаем.

Она явственно вздрогнула и обернулась. Её взгляд сосредоточился на мне и моих ногах.

– А как это ты так умудрилась?.. – спросила она, сняв один наушник.

– Не важно как! Важно, что ты наконец снизошла до меня, тетеря глухая!

Оля смутилась и стянула наушники на шею:

– Ты меня звала? Я не слышала. Извини... Сейчас тебя вытащим.

Она быстро сходилась на кухню, налила в глубокую миску воды и вернулась. Холодная вода тонким ручейком полилась на мои босые ноги.

– Ты сегодня какая-то рассеянная, – уже остыв, беззлобно упрекнула я сестру. – Ладно Лерочка – она мелкая, ей можно. Но ты...

– Я просто переписывалась и забыла обо всём на свете, – невнятно пробормотала она себе под нос, а я заметила на её щеках розовые пятна румянца.

– Ты что, в кои-то веки с Антоном списалась? – догадалась я. Ноги у меня уже окоченели от холодной воды, которой их заботливо поливала старшая сестра, но вредитель всё не хотел отпускать ступни.

Оля покраснела ещё больше и кивнула. Я изумлённо присвистнула. Антон был одноклассником Ольги и её тайной любовью, идеальным, по её мнению, парнем, на которого она постоянно заглядывалась, обсуждала его попеременно то с нами, то со своими школьными подругами, но совершенно теряла дар речи, стоило её объекту обожания оказаться рядом. И тем удивительнее была новость, что она набралась смелости и вступила с ним в переписку.

– Я тобой, конечно, горжусь... – сказала я, – вот только не помогает твоя вода. Придумай что-нибудь другое! А то у меня сейчас ноги отвалятся от холода!

Ольга прекратила лить воду и унесла миску, бросив мне половую тряпку, чтобы я вытерла последствия. Пока я размазывала лужи по половицам, сестра вернулась из кухни с огромным тесаком.

– Ты что собираешься делать? – с опаской спросила я.

Она лишь молча опустила на колени и стала разбирать половицы, поддевая их ножом.

– Понимаешь, он мне первый написал! – между делом поделилась Оля. – Сказал, что давно хотел пообщаться, узнать меня поближе, но боялся показаться назойливым. Представляешь?.. Знаешь, он такой милый...

Я закатила глаза, пока сестра не видит. Стоило Антону появиться на горизонте – она сразу становилась сентиментальной дурочкой. Не такой я привыкла видеть свою собранную и серьёзную сестру. Если эта переписка продолжится, то, кажется, Оля скоро окончательно превратится во влюблённо воркующую голубку, думающую только о своём голубке.

Когда две половицы уже оказались у сестры в руках, ноги стало потихоньку отпускать. Я медленно вытянула ступни из топкого пола и принялась их разминать.

– Ты смотри не забудь про всё на свете с этим своим Антоном, – строго упрекнула я Ольгу. – У тебя экзамены в этом году. В розовых очках их писать будет сложновато, знаешь ли!

Оля смерила меня недовольным взглядом из-за того, что я вздумала учить её жизни, но говорить ничего не стала, только молча вернула половицы на место. И мы разошлись в тот день как в море корабли, оставшись каждая при своём мнении. Она поплыла в страну любовных переживаний, а я занялась более приземлёнными вещами – взялась вытаскивать Леру из ванной и убирать потоп, который она как обычно устроила во время своего мытья.

Встреченный в тот день вредитель оказался одним из тех нежеланных жильцов, которых мы просто не можем никаким образом выгнать из гнезда. Чтобы заставить незваного гостя уйти, придётся перебирать все полы в комнатах, а никому это делать не хочется. Но в послед-

нее время таких вот основательно обустроившихся в нашей квартире древоточцев становится только больше. Никто им не рад, многих из них мы не способны выгнать, не разрушив при этом всю квартиру до основания, а тётушки всё продолжают каждый день по утрам ругаться на кухне, привлекая всё больше и больше тёмной энергии. Сколько бы я ни подслушивала, но суть их криков всё ещё остаётся для меня загадкой. Они попеременно друг друга в чём-то обвиняют, теперь ещё и постоянно возвращаясь к теме разбитого зеркала и нашествия древоточцев, но при этом я так и не могу разобраться, о чём же конкретно они спорят. Оля тоже пробовала подслушивать со мной, но успехов, как и я, не достигла. И вот мы уже просто не понимаем, что же происходит в нашем собственном гнезде и что с этим делать.

Очередная ссора заканчивается громким хлопком двери – это тётя Анфиса слабовольно бежит из квартиры и от всех нас. Я привычно очищаю гнездо свечой, обходя все комнаты по кругу и прогоняя клубы чёрного дыма, чтобы в конце концов в глубокой задумчивости замереть на пороге спальни Анфисы, где витает резкий запах каких-то дешёвых духов и пыли. Пыль вообще давно является здесь полновластной царицей, занимающей собой все горизонтальные поверхности и медленно порхающей в воздухе.

– Пыль – это частичка нас! – каждый раз уверенно твердит тётя Анфиса, нравоучительно выставляя вверх указательный палец, едва я начинаю прибираться в её комнате. – Это чешуйки нашей кожи, выпавшие волосы – они тоже обладают памятью тела и крохами нашей силы. Пыль способна на многие вещи, если знать, как правильно её использовать!

– И как же её использовать? – без усталости пытаюсь я выведать эту страшную тайну.

Но тётя каждый раз лишь противно морщит нос, как старая, умудрённая жизнью крыса, почувшавшая яд, и сухо отвечает:

– Вот будешь послушной девочкой – расскажу! А пока иди-ка отсюда со своей тряпкой, и нечего мне тут грязь по полу размазывать.

И я раз за разом ухожу – побеждённая, но не сломленная. И год за годом надеюсь однажды вызнать, что же такого удивительного в обычной пыли. Сегодня я решаю выведать этот секрет у тётушки Инессы, которая, выйдя из ссоры победительницей, явно крайне довольна её завершением и порхает по квартире как пушинка, несмотря на свои внушительные габариты.

– Ты больше её слушай. Она всё что угодно скажет – лишь бы её вещи не трогали! – даёт мне тётя довольно краткое и банальное объяснение.

– Так что же это получается, – я обиженно надуваю губы. – В пыли нет ничего такого? Но ведь ты сама постоянно твердишь, что всё в этом мире имеет свою силу!

– Это обыкновенная грязь. Ты лучше не забивай себе голову глупостями, а иди уберись у неё, пока Анфиски дома нет.

Выбросив почерневшую свечу и вооружившись веником и сырой тряпкой, я, понурившись, иду в комнату тётя. Пыли кругом и правда лежит такой слой, что кажется, из неё можно соткать целое одеяло. Но в одном тётушка Инесса права – Анфиса ох как не любит, когда кто-то трогает её вещи, а посмотреть в её шкафах и комодах как раз всегда есть на что.

Она давно славится собирательством всякой ненужной мелочи вроде нелепых разукрашенных фарфоровых статуэток, которые занимают все пять боковых полок её шифоньера. Комод завален старой косметикой, нечищеными потемневшими колечками и серьгами, брошками и браслетами, а под золочёной рамой овального зеркала висят старые выцветшие открытки, письма, чьи-то фотографии и записки. Копаться здесь можно бесконечно долго и всё равно каждый раз находить что-то новое, что-то неизведанное и интересное.

Я долго ползаю под кроватью, собирая клочья пыли и сдвигая старые коробки из-под обуви и связанные кипы книг, которые так никто и не распаковал после переезда, когда со стороны прикроватной тумбочки неожиданно раздаётся слабый гул.

Да, этот неприятный звук, к сожалению, мне хорошо знаком. Сначала он начинается как едва различимый шум, а потом, если к нему долго прислушиваться, перерастает в настоящий стон, полный мольбы. Но делать этого точно не следует, как и вестись на этот зов.

Когда я была совсем маленькой и ещё училась в первом классе, то однажды мне не повезло из любопытства забраться за тумбочку тёти Анфисы. Я играла в одиночестве в её комнате, потому что только здесь лежал достаточно толстый махровый ковёр, на котором было тепло сидеть. Стояла такая лютая зима, что я, как сейчас помню, дальше этого ковра вообще никуда не уходила. Там у меня были разбросаны куклы, обрывки ткани для их новых нарядов и старые растянутые резинки для волос, с помощью которых куклы обретали свои кривые косички.

И когда слева от меня вдруг раздался этот протяжный и лёгкий гул, я совсем не ожидала ничего подобного. Куклы выпали из рук, сердечко заколотилось в груди. А дома из взрослых была только Ольга, которую тогда даже взрослой толком назвать нельзя было – на год и девять месяцев меня старше, а мозгов едва ли больше. Она сама сидела в нашей детской и, слюнявя палец, листала книжки с картинками.

Позвать её у меня почему-то даже язык не повернулся. Но неожиданно захотелось посмотреть, что же там так страшно и в то же время завлекательно гудит за тумбочкой.

С трудом отодвинув разохшийся предмет мебели, я во все глаза уставилась на чёрный лаз, который уводил куда-то в неизвестность. В нём гудел тёплый ветер: именно этот звук и доносился из-за тумбочки в минуты тишины в комнате.

Всё это было очень странно, ведь стена между спальней тёти Анфисы и кухней была не такой уж толстой, чтобы там хватило места для полноценного тоннеля, но тем не менее он там был.

Интересно, куда же он ведёт? Тогда я задумалась об этом совершенно серьёзно. И больше остального меня возмущало то, что никто в гнезде мне раньше о тайном лазе не рассказывал. Это было возмутительно! И, подбадривая себя подобными мыслями, я смело поползла на четвереньках в темноту прохода. Очень скоро слой бетона сменился холодными стальными стенками.

К моему удивлению, тоннель не только не заканчивался, но и начал по-змеиному извиваться, постоянно куда-то сворачивая и то сужаясь, то расширяясь. В конце концов, когда я уже содрала себе все ладони о шершавый металл, впереди появилась решётка. Судя по всему, это была вентиляция, и я без каких-либо проблем толкнула дверцу и выпала наружу.

Повезло, что пол оказался рядом и был устлан чем-то мягким. Приглядевшись, я поняла, что лежу в горе игрушек всех цветов и размеров, сваленных вдоль стен большой темноватой гостиной, посередине которой сама собой покачивалась колыбелька с оглушительно кричащим младенцем.

Ничего себе! Поднявшись на ноги, я оглядела комнату. Никак не ожидала, что тётя Анфиса любит забираться в чужие квартиры! Да ещё и таким непростым путём...

Гостиная утопала в игрушках, окон нигде не было видно, а из коридора тянуло тёплым воздухом, пропитанным совершенно отчётливым запахом кипятящихся пелёнок.

Кроме криков ребёнка, ничего не было слышно, но подходить и успокаивать его мне вовсе не хотелось. Не хватало только возиться с чужим младенцем! Да ещё так противно вопящим.

Осторожно ступая по игрушкам, я выглянула в коридор. Эта квартира была большой, мрачной и насквозь провонявшей каким-то резким запахом, который шёл буквально от всего – от игрушек, от мебели и, кажется, уже и от моей одежды тоже. На кухне явно кто-то суетился, стуча деревянными щипчиками по кастрюле с кипятящимися пелёнками и меня, к счастью, не слыша.

Почему-то я чувствовала, что встречаться с хозяином или хозяйкой квартиры не стоит. Кто вообще обрадуется, что в его жилище посреди дня забрался чужой ребёнок?!

Потому я собиралась лишь немного походить здесь и быстро убраться обратно, пока меня не заметили.

И всё-таки для чего тёте Анфисе нужен ход в эту квартиру?

Осторожно выскользнув в коридор, я прокралась в соседнюю комнату, которая оказалась спальней. Монструозного вида деревянная кровать занимала практически всё пространство, а остальная его часть была заставлена куклами одного со мной роста.

Было в них что-то жутковатое. То ли глаза казались слишком живыми, то ли головы и правда поворачивались вслед за мной. Я бродила между куклами, удивляясь реалистичным чертам лица, подмечая даже родинки и аккуратные реснички, которые заботливый мастер сделал своим игрушкам. Все они напоминали юных девочек и мальчиков, в пышных платьях и в костюмах, с перевязанными лентами волосами и с корзинками или муляжами фруктов в руках. Подойдя вплотную к одной из кукол, я стала рассматривать её глаза, пытаясь понять: слёзы тоже нарисованы или из игрушки действительно сочится влага.

И в этот момент плачущая кукла медленно моргнула.

От неожиданности я вскрикнула и отпрыгнула в сторону.

Куклы были живыми!

Эхо предательски разнесло мой крик по всему коридору, и тотчас на кухне стукнули брошенные на столешницу щипцы.

Меня слышали!

Едва успев подхватить свои тапки, я бросилась к кровати, надеясь спрятаться под ней. Грязи и пыли там, конечно, было целое море, но я, зажав нос, всё равно упрямо пробиралась дальше, пока не упёрлась головой в не видную в темноте преграду.

Когда на пороге комнаты показалась хозяйка, я уже забралась так далеко, что едва могла дышать и что-то видеть. Разместившись в итоге где-то между свёрнутым в рулон ковром и пустыми коробками, от которых шёл чудовищно ядовитый запах химии, я могла видеть лишь узкую полосу света над полом.

Наверное, это было к лучшему, ведь женщина, которая вошла в комнату и остановилась возле кровати, напугала меня до мурашек одними своими босыми ступнями, покрытыми какими-то отвратительного вида струпьями и болячками. Её жёлтые потрескавшиеся ногти выдавались вперёд, а толстые икры были испещрены вздувшимися венами и варикозными звёздочками. Ни у кого никогда я не видела таких ног, и отчего-то мне подумалось, что её лицо должно быть ненамного приятнее.

Закрыв рот и нос ладонью, чтобы случайно не наглотаться пыли и не чихнуть, я не шевелилась, слившись с темнотой. Судя по скрипящим половицам, хозяйка была крупного телосложения. Она медленно обошла всю комнату, и её тяжёлое грудное дыхание было хорошо слышно даже под кроватью. Будто хищник вынюхивал добычу с kloкочущим в глотке хриплым рыком.

Только бы не вздумала наклониться! Только бы ушла как можно скорее!

В гостиной на одной ноте плакал ребёнок, но хозяйка будто его не слышала: судя по шелесту одежды, она перекладывала своих кукол.

Неужели ищет меня? Думает, я укрылась среди её жутких игрушек? А когда закончит их осматривать, то и под кровать заглянет? А что, если и правда?!

На кухне громко зашипела вылившаяся прямо на плиту вода. Встрепенувшись, женщина тотчас бросилась к забытой на огне кастрюле с пелёнками.

Это мой шанс! Нужно убираться отсюда, пока действительно не поймали!

Стараясь не шуметь, я выбралась из-под кровати и выскользнула в коридор, всё время поглядывая на распахнутую дверь кухни в самом конце квартиры.

Обстановка здесь, конечно, была странная. На всех стенах в коридоре висели старые чёрно-белые фотографии, где все эти куклы были посажены на лавки, диваны или в кресла как живые люди и смотрели прямо в объектив.

Я передёрнулась от пробежавших по лопаткам мурашек. Прокравшись в гостиную, я уже собралась выдохнуть, но не тут-то было. Младенец в колыбели внезапно закричал таким дурным голосом, словно его ошпарили кипятком. Он выводил рулады, переходившие в истерику, и почти сразу же с кухни вновь слышались торопливые шаги.

Да что же это такое! Нырнув как в бездонный омут в кипу игрушек, сваленных у ближайшей ко мне стены, я замерла. И в тот же миг на пороге возникла хозяйка. Она шагнула к люльке и стала молча укачивать малыша, но тот всё никак не желал замолкать.

В щёлку между игрушками я оглядела комнату, бросив тоскливый взгляд на противоположную стену, где меня дожидалась приоткрытая решётка вентиляции. Теперь до неё точно не добраться. Пока хозяйка здесь, я вряд ли сумею прокрасться мимо неё незамеченной.

Что же делать? Закусив губу, я стала ждать. Не может же этот ребёнок кричать без остановки целый день, в самом деле! Но через десять томительных минут выяснилось: может. Потому что время шло, а младенец не успокаивался. И моя надежда тихо выбраться из этой ужасной квартиры таяла на глазах.

Вечно сидеть на месте тоже было нельзя, и я, осторожно раздвигая игрушки, стала по стеночке на четвереньках ползти по периметру комнаты, прикрываясь плюшевыми слонами, медведями и зайчиками. Когда до решётки оставалась всего пара метров, хозяйка вдруг с криком вскинула голову, шумно втянула носом воздух и обернулась. Я замерла, как мышь под веником, забыв даже, как правильно дышать. Закрывающая меня от женщины куча игрушек мешала обзору, но одно я разглядела точно. У обернувшейся в мою сторону хозяйки квартиры не было лица – только огромная пасть, из которой высунулся длинный синеватый язык и где поблёскивали ряды острых чёрных зубов, тянувшихся до самой глотки.

От страха я онемела, чувствуя, как сердце отбивает в груди сумасшедший ритм.

Что это за существо?! В чём логове я оказалась?!

Внезапно меня, выводя из ступора, схватила за локоть сухая холодная ладонь, и я едва не задохнулась от ужаса. Но другая рука тут же зажала мне рот. Это была тётя Анфиса: она сидела рядом, тоже спрятавшись в горе мягких игрушек, и взгляд её мерцающих в полумраке больших глаз был таким же испуганным, как у меня.

Я недолюбливала свою вторую тётю, склочную и вечно всем недовольную, но в тот момент была готова её расцеловать – за то, что пришла за мной, что отыскала меня здесь. Теперь было не так страшно: ведь я уже не одна.

Приложив палец к губам, она поманила меня за собой и первой двинулась к вентиляции. Прячась за игрушками и не делая резких движений, мы доползли до решётки и забрались туда. Напоследок я обернулась, выискивая взглядом страшную хозяйку квартиры. Она всё ещё стояла возле колыбели, раскрыв свою пасть и принюхиваясь. Слюна с её языка капала на пол, а младенец в люльке так и продолжал орать.

– Быстрее! – шёпотом поторопила меня Анфиса, и я поползла за ней по вентиляционной шахте.

Когда мы обе вывалились на ковёр в нашем родном гнезде, я сразу же расплакалась как испуганная дурочка. Вокруг уже собрались все сёстры, брат и тётушка Инесса, а я всё редела, размазывая по щекам слёзы и сопли и указывая пальцем на зев тоннеля за тумбочкой.

– Ну чего ты ревьешь? – даже растерялась Анфиса. – Сама же и полезла куда не просили, и сама же теперь хнычешь! У-у, Варька, бестолковый ребёнок! Ну вот зачем ты туда забралась?

Сколько ни успокаивали меня сёстры, сколько Дима ни тыкал в меня печеньем, всегда припасённым про запас в нагрудном кармашке его детского комбинезона, дельного я ничего

так и не ответила. Только через пару часов, когда я уже сидела на коленях у тётушки Инессы, а она мягко меня обнимала, я призналась:

– Мне стало обидно, что в квартире есть что-то, о чём я не знаю... От меня все скрывают тайный ход, как от маленькой, вот я и решила сама поглядеть, куда он ведёт...

– Так ты и есть маленькая, – усмехнулась Инесса. – А разве нет? Вон как глупо поступила. Ни у кого ничего не спросила, сама туда полезла и чуть там же и не осталась. Разве это не поступок несмышлёного ребёнка?

– Наверное, – буркнула я, опустив взгляд.

– Ну-ну! Не дуйся. Знала же я, что рано или поздно кто-нибудь из вас туда заберётся. В нашем роду все любопытны от природы сверх меры – но нужно же думать и о собственной безопасности, когда шагаешь в другие миры.

– А это был другой мир? – тихо спросила я, едва схлынула первая волна изумления.

– А как сама-то думаешь? Конечно, он и был! Все мы – дети бескрайнего Леса, где каждое дерево – это отдельный мир, одновременно и похожий на все остальные, и не похожий ни на что. И часто по ветвям из одного измерения можно попасть в ближайшие. Правда, совершать подобные путешествия без надобности всё же не следует, моя пташка.

– Мы все живём на дереве? – искренне удивилась я, вспомнив о школьных уроках, где рассказывали то о круглых планетах, летающих в чёрном небе, то о трёх слонах, стоящих на спине черепахи. Всё это не укладывалось у меня в голове, ровно как и слова о Лесе.

– А где ещё, по-твоему, должны гнездиться птицы? – прищурившись, с хитрецей в голосе спросила тётушка, ссаживая меня со своих коленей.

– Выходит, я сегодня была на другом дереве? – сделала я вывод.

– Верно. Но заблудиться в этом Лесу проще простого, Варя. И всегда нужно помнить путь домой или уметь позвать тех, кто тебя выведет. Например, нашу семью.

– А как это сделать-то без мобильного телефона? – жалобно заныла я. – Будь у меня там телефон, я бы домой позвонила! Но вы мне всё никак его не подарите... – Я вся сжалась в комок, готовясь вот-вот захлюпать носом. Всё что угодно – лишь бы в который раз доказать необходимость покупки мне такой желанной игрушки, выпрашиваемой уже целый год. Но тётушка Инесса сразу же строго ответила:

– Не нужен тебе никакой мобильник, Варвара! – Она всегда, когда сердилась, звала что меня, что сестёр полными именами, и я тут же неосознанно втягивала голову в плечи. – Умей слушать сердце! И звать тех, в ком течёт та же кровь, что и в тебе. – Она схватила меня за руку и положила мою ладонь мне же на грудь.

– Вот! Здесь твоё сердце, Варя! Здесь твоя жизнь – и здесь частица всех нас, всей твоей семьи. Позови нас, и мы всегда сможем тебя отыскать, где бы ты ни оказалась. Никогда не забывай об этом. – Она коснулась унизанными перстнями пальцами своей груди и закрыла глаза. И в тот же миг я почувствовала, как кровь в моих венах вскипела. Я ощутила *зов*, который тянул меня вперёд, который бился внутри меня как птица в клетке и красной нитью указывал мне путь. Даже прикрыв веки, я видела, куда ведёт эта незримая линия, дрожащая от *зова*. Она вела к моей тётушке, сидящей напротив. Прямо к её сердцу, уверенный ритм которого отдавался эхом у меня в ушах.

– Теперь ты слышишь мой *зов*?

– Д-да, – поражённо кивнула я, не в силах пошевелиться.

– Никогда не забывай, что он рождается из твоего сердца. И тогда ты не потеряешь дорогу к дому. – Она встала и, поцеловав меня в макушку, ушла с кухни.

А я так и стояла, глядя, как тянется за тётушкой алая нить, которую я не замечала столько лет.

Да, тот день я помню хорошо. Даже сейчас смех берёт, какой простодушной девочкой я была в те годы! Сколько всего не знала, сколько всего не видела вокруг.

И теперь уже мало что способно меня удивить.

Бросив пыльную тряпку на пол в комнате тёти Анфисы, я устало приваливаюсь спиной к тумбочке. За ней всё ещё гудит ветер. Но туда я уже больше никогда не полезу, что бы вообще откуда ни доносилось. С того самого памятного дня этот проход тётя Инесса закрыла, сперва окуриив дымом семи трав, а после поставив там решётку с замком. Больше никто не должен оказаться в логове кукольной хозяйки и её младенца. Ключ от решётки был лишь у Анфисы – правда, как я ни допытывалась, она так и не созналась тогда, для чего ей вообще был нужен этот проход.

Вот слышится шорох ключа в замочной скважине входной двери – и на пороге гнезда появляется Анфиса. Едва успев скинуть туфли, она сразу же замечает меня, сидящую на полу в её комнате с тряпками и тазиком воды.

– Ты что это творишь, Варька?! – обеспокоенно спрашивает она, в мгновение ока оказываясь в спальне. – Убраться тут у меня вздумала?! А ну брысь отсюда со своими швабрами и метёлками, и чтоб я тебя не видела больше в моей комнате!

Вскочив на ноги, я кубарем выкатываюсь в коридор. За мной оглушительно громко захлопывается дверь.

Тётушка Инесса, проходившая мимо, смотрит на меня поверх очков и мягко спрашивает:

– Что, не успела до конца убраться?

Я лишь тяжело вздыхаю в ответ.

– Ну ничего-ничего, моя птишка, – воркует тётушка, удаляясь на кухню. – Когда-нибудь она ослабит свою бдительность, вот увидишь. И тогда главное – чтобы ты в тот момент оказалась в нужном месте.

Я морщусь, пытаюсь понять, уборку ли подразумевает тётушка или её фраза имеет какой-то более глубокий смысл, осознать который мне пока не суждено, но Инесса, поливая цветы на кухонном подоконнике и поглаживая их листочки, уже забывает обо мне и лишь тихо напевает себе под нос.

Глава 3

Лица

Тётушка Инесса днём работает в библиотеке, расположенной совсем недалеко от пятиэтажки, на последнем этаже которой мы живём. Библиотека эта такая крошечная, что, когда меня вместе с сёстрами водили туда в раннем детстве, я могла за пару минут обежать её всю, потрогав каждый стеллаж, из-за чего, собственно, она и казалась мне тогда чрезвычайно скучной. Тётя Инесса всегда пыталась образумить меня, дать побольше интересной литературы, но я только бесцельно бродила из зала в зал, рассматривая красочные обложки стоящих на полках книг, даже не открывая их. Наверное, всё изменил один день, когда тётушка как бы случайно оставила в библиотеке на столе возле меня раскрытую книгу, где в самом конце страницы была небольшая иллюстрация – свернувшийся кольцами и зарывшийся в песок двухголовый красный змей.

– Я никогда таких не видела, – едва глянув на изображение, сказала я Инессе. – Он какой-то неправильный.

Тётушка мягко улыбнулась и опустилась на пустой стул возле меня.

– Не всё, что не похоже на привычные тебе вещи, неправильно, моя пташка. Этот змей просто не принадлежит нашему миру.

– Он из другого мира? – сразу же заинтересовалась я.

– Верно. Как и эта книга. Она создана не в нашем измерении, хотя прочитать её ты можешь.

Я осторожно взяла в руки книгу и взгляделась в текст. Язык был мне знаком. Он ничем не отличался от того, на котором было написано большинство книг в этой библиотеке. Вот только там описывались вещи и явления, о которых я никогда не слышала: например, что небо рождалось в муках и потому цветом напоминает кровь, а земля давно иссякла под гнётом четырёх светил и поэтому иссохла до состояния песка, превратив весь мир в пустыню.

– Этот змей... – прошептала я, косясь на тётушку, – он живёт в мире, который здесь описан?

– Да. И этот мир реален, Варя. Но он сильно отличается от того, что привыкли видеть мы. Окружающий нас бескрайний Лес многолик. Многие его деревья похожи как две капли воды и чаще всего растут неподалёку друг от друга. Но отдельные могут иметь облик, вообразить который ты не сумеешь, даже приложив всю свою фантазию.

– Как этот, например? – я указала на строчки в книге.

– Как этот. И таких необыкновенных, ни на что не похожих миров миллиарды, Варя. И существа, населяющие их, причудливы. Конечно, в большинстве частей Леса ты никогда не побываешь, о других узнаешь лишь с чужих слов, но что-то доступно тебе уже сейчас – ты можешь прочесть книги, которые наша семья собирала веками, и открыть для себя многоликость Леса.

С тех самых пор я полюбила книги. Тётя Инесса давала мне фолианты и свитки из своей собственной библиотеки, и я с радостью изучала старинные труды, узнавая о мирах, так похожих на наш собственный или так отличающихся от него. Если Ольга с интересом читала лишь любовные или приключенческие романы из библиотеки, где работала тётушка, то я не могла оторваться от миров, которые были гораздо более реальны. Это оказалось единственным дозволенным мне в моём юном возрасте. Перемещаться между деревьями Леса было непростой и в какой-то степени даже опасной задачей, но чтение позволяло познакомиться с иными измерениями легко и свободно.

Позже, в уже более зрелом возрасте, ко мне в руки стали попадать книги от других семей, стерегущих Лес. Как я тогда догадалась, тётушка Инесса приносила их уже специально для меня, частенько на весь день исчезая за дверьми кладовки с помощью своего медного ключа, которым она обладала по праву старшей. Так я поняла, что практически на каждом дереве в бескрайнем Лесу есть своё гнездо, где живут лесные стражи, защищающие миры от вредителей. И мы тоже были одной из таких семей. Мы обладали *чутьём*, позволяющим нам выслеживать древоточцев и прогонять их, оберегая наше дерево, сохраняя хрупкий баланс в Лесу.

Но ответа на один вопрос я так и не нашла: как же мы стали этими хранителями. Ни одна книга из принесённых Инессой ничего мне не объяснила.

– Мы обладаем этим правом с рождения, – говорила мне тётушка каждый раз, как только я обращалась к ней с подобным вопросом. – Как желна, символ нашей семьи, с момента своего вылупления становится лесным стражем, истребляющим вредителей, так и мы обязаны с рождения и до смерти следить за сохранностью своего дерева. Это наш долг. Это наше призвание.

Обычно после этих слов Инесса всегда вела меня в прихожую нашей квартиры и указывала рукой на старое чучело чёрного дятла, которое всегда, сколько я себя помню, висело над входной дверью. Крупная угольно-чёрная птица с ярко-красным теменем так удивительно

напоминала саму тётушку, ещё с самой молодости красящую свои короткие волосы багряной краской и обожающую чёрный цвет в одежде, что я всегда воспринимала их как нечто единое. Будто если из этой квартиры исчезнет чучело, то не станет и самой Инессы. И наоборот.

– Это гнездо желны, наше гнездо. Запомни хорошенько, Варя. И никогда не забывай о нашем истинном предназначении и важности наших обязанностей.

Все члены семьи в какой-то мере прошли через это своеобразное посвящение. Тётушка всем моим сёстрам и даже Диме рассказывала о чужих мирах, незваных гостях, которые могут прийти на наше дерево по ветвям, и вредителях, избавлением от которых мы и должны заниматься. И всегда это казалось само собой разумеющимся, нормой жизни и обыденностью.

Однако теперь что-то странное происходит в привычном нам мире.

Наступают перемены, а вслед за ними приходят и проблемы. Гнездо наводнено древоточцами, а вместе с ними и всё дерево. То ли это последствия разбитого нами зеркала, то ли, как говорит Анфиса, в гнезде скоро что-то произойдёт, и вредители надеются успеть поживиться во время смуты. Вот только они совершенно распоясались, а Инесса всё чаще пропадает в иных мирах по целому дню, возвращаясь оттуда осунувшаяся и уставшая. Тётушки в свободное от работы время просто разрываются, пытаются успеть везде, где требуется их помощь, а мы с сёстрами и братом неотрывно следим за сохранностью гнезда, которое неожиданно на наших глазах превратилось в дырявое решето и оказалось наводнено мелкими вредителями.

Лето даже приблизительно не обещало быть таким беспокойным.

В субботу утром вся квартира погружена в мягкую сонливую негу. Мы с сёстрами нежимся в кроватях в своей большой детской. Солнце ласково проникает лучами в окно и гладит нас по щекам, обещая чудесный день. Лера свернулась клубочком под одеялом – только выгоревшая на солнце макушка выглядывает. Я пытаюсь насладиться последними картинками ускользящего сна, крепко обняв подушку, а Ольга уже проснулась и опять сидит с планшетом, с глуповатой улыбкой переписываясь со своей пассией.

В прихожей раздаётся пронзительная переливчатая трель нашего старого домашнего телефона, и через полминуты Анфиса берёт трубку:

– Да, слушаю... А, Андрей Васильевич, это вы...

Я сразу же отрываю голову от подушки в надежде подольше подслушать, но Анфиса отвечает звонящему удивительно лаконично:

– Нет... Нет, возможности ещё нет.

Ольга тоже отрывается от планшета и косится на открытую дверь нашей детской, явно прислушиваясь к доносящимся из прихожей обрывкам беседы.

– Да, мы всё понимаем, но... Нет, Андрей Васильевич, в данный момент ничем не можем помочь!.. – довольно сухо отвечает Анфиса.

– Это же тот самый директор художественной школы? – шёпотом спрашиваю у старшей сестры.

Она просто молча кивает и прислушивается дальше.

– Я уже всё вам сказала! – в голосе тёти появляется неприкрытая злоба. – Всё! Не занимайте моё время! Как получится, так и придём. – Анфиса с громким звяканьем возвращает трубку на место.

Ну ничего себе тон! Если бы она на работе так со всеми своими клиентами разговаривала, то Дима никогда не дождался бы по вечерам ни конфет, ни печенья.

– Он уже третий раз звонит за эту неделю, – говорит Ольга, повернув голову в мою сторону. – А тётки всё не могут выкроить время сходить.

– Почему бы им не отправить нас? – спрашиваю я. – Вроде мы вчера по дому всю работу сделали, почти из каждого угла вредителей извели. Как раз могли бы сегодня сходить в школу, посмотреть, что там за лица.

– Анфиса говорит, что мы ещё мелкие и неопытные, – насупившись, объясняет сестра, откладывая планшет в сторону. – Что мы так с зеркалом напортачили, что теперь они с тётей вообще ничего серьёзного нам доверять не собираются.

– Да что ж такое!.. – Я тоже невольно начинаю злиться. Мы выполнили всю грязную работу, нашли пропавшие вещи – и в итоге остались виноваты. Хотя мы с Олей до сих пор придерживаемся мнения, что наплыв древоточцев в гнезде никак не связан с разбитым зеркалом.

– Чего вы там расшумелись? – доносится сонный голосок Леры. Она выглядывает из-под одеяла, щурит заспанные глаза.

– Да спи дальше. – Я бросаю в неё первую попавшуюся под руку мягкую игрушку, которые закрывают у меня щель между кроватью и холодной стеной. Розовый слон падает прямо на голову Лере, и она мгновенно вскакивает с места в надежде на реванш. Пока мы коротко перебрасываемся игрушками, пытаюсь повалить друг друга на пол, Ольга уже вылезает из кровати и успевает сменить ночную рубашку на домашнюю одежду.

– Хватит вам ерундой заниматься, – строго говорит старшая сестра, как всегда оставаясь выше наших «глупых детских игр», как любит она их называть.

– А чем ещё заниматься малышне, если тётки нас за взрослых не считают и не хотят давать интересную работу?! – возмущаюсь я, привстав на коленях на кровати, и сразу же получаю своим же розовым слоном в грудь.

Лера довольно ухмыляется, прячась за одеялом.

Тут в коридоре напротив нашей детской распахивается дверь тётушкиной комнаты, и из неё неторопливо выплывает Инесса, поправляя на пальцах свои излюбленные перстни. Она захлопывает дверь и окидывает всю нашу троицу внимательным взглядом поверх очков:

– Пташки мои крикливые, вас слышно через все стены.

Я мигом заливаюсь краской и смущённо присаживаюсь на край своей кровати, стараясь быть как можно более незаметной. Но тётушка не ворчит на нас и не ругает, а только с улыбкой делает лёгкий взмах кистью и удаляется по коридору на кухню.

– Давайте сегодня в кои-то веки позавтракаем все вместе и заодно кое-что обсудим, – доносится до нас её тихий и спокойный голос.

Ольга первой убегает готовить завтрак, пока мы с Лерой, ещё подталкивая друг друга и щиплясь, спешно умываемся и переодеваемся.

Когда мы приходим на кухню, там уже все собрались за нашим круглым обеденным столом. Тётя Анфиса, сидя на своём привычном месте возле стены, что-то негромко объясняет Диме, как всегда устроившемуся неподалёку от матери. Инесса сидит напротив сестры, закутавшись в шаль, хотя в квартире уже достаточно тепло, и подглядывая за Ольгой, которая мечется по кухне, расставляя тарелки и раскладывая столовые приборы. Лерочка, опередив меня, сразу же плюхается на стул возле тётушки, заняв своё любимое место, и первым делом тянется к вазочке с конфетами, приготовленной к чаю.

– Подожди! – Я легко шлёпаю её по пальцам. А то опять перебьёт аппетит и потом откажется есть Ольгину стряпню. Оля потом будет на меня злиться, что я вовремя не остановила младшую сестру.

Едва перед нами на столе появляются тарелки с жареными яйцами и слегка пересушенными тостами, Инесса хлопает в ладоши и первой приступает к завтраку. Все едят медленно и с аппетитом. Мы с сёстрами заинтригованно поглядываем в сторону тётушки, ожидая, когда же она скажет, о чём хотела поговорить. А она как будто уже совсем и позабыла об этом.

– Там опять Андрей Васильевич звонил, – откусив от тоста, говорит Анфиса, поглядывая на сестру. – Уже в который раз. Я в следующий раз трубку брошу, предупреждаю. У меня уже сил нет его слушать.

– Не надо ничего бросать, – спокойно заявляет Инесса и поправляет на носу очки. – Сегодня вы все вместе поедете к Андрею Васильевичу и займётесь решением его проблемы. Как раз именно это я и хотела обсудить с тобой и девочками.

Анфиса, перестав жевать, замирает на месте, да и мы все тоже удивлены не меньше.

– Что, правда?! – вскрикиваю я, чуть не подавившись куском яичницы. – Ты действительно отправишь нас туда?

– А почему нет? – пожимает плечами Инесса, чуть усмехнувшись и не отвлекаясь от завтрака. – Последнее время вы хорошо и много трудитесь, а нам с Анфисой как раз нужна помощь, а то мы везде одни не успеваем.

– И ты нас отпустишь в эту школу?! Не шутишь?! – не может поверить услышанному Оля. У неё даже выражение лица смягчается.

– Пора же вам и самим что-то сделать за пределами гнезда. А то вы всё дома и дома, здешнюю мелкую нечисть гоняете. Надоело уже небось? К тому же сестра за вами присмотрит. Верно?

Анфиса кисло улыбается в ответ и прячет свою гримасу за стаканом апельсинового сока. Ей такая радость совсем не нужна.

– Я не планировала сегодня туда ехать, – едко возражает она.

– Мне прекрасно известно, что в ближайшее время у тебя нет клиентов. Так что уж сделай милость, Анфиска, прогуляйся с детьми к Андрею Васильевичу.

В глазах Инессы опасно блестит сталь. Отказа она не приемлет, и всем это предельно ясно, даже Анфисе, которая замолкает, поджав тонкие губы, и только едва слышно фыркает.

– На том и порешим, – подводит итог тётушка, и на её кругловатом лице вновь расцветают доброта и лукавство. – Будьте внимательны, девочки. И пожалуйста – не наделяйте глупостей сегодня.

Я активно киваю, окрылённая, как и сёстры, этим неожиданным приятным известием.

Ха! Не наделять глупостей! Да легко! Уж это-то мы сможем без проблем!

* * *

Художественная школа – это настоящее достояние нашего района. Она располагается в старинном здании, где ещё два века назад была устроена мужская гимназия Его Императорского Величества. Эта постройка, несмотря на все перенесённые ремонты и даже одну масштабную реставрацию, всё ещё очаровывает случайных прохожих своей исключительностью. Козырёк главного входа выступает вперёд и лежит на четырёх белых колоннах, по краям крыши тянется невысокая балюстрада, а над каждым окном раскинулись треугольные изящные сандрики¹. Вся полнота очарования школы раскрывается, едва переступаешь порог. Внутри всё двухэтажное здание с непомерно высокими потолками отделано красным мрамором, и когда идёшь по его длинным коридорам, то любой шаг под сводами залов и пролётов отдаётся эхом.

Мне нравится это место, хотя была я тут всего один раз. Но зато здесь можно полчаса любоваться какой-нибудь мозаикой либо же заплутать в лабиринтах одинаковых вытянутых залов и выйти в совершенно новое, никогда не виденное прежде место – к широкой мраморной лестнице со стоптанными ступенями или к маленькой портретной галерее. Жаль, что тётя Анфиса совсем не даёт нам времени побродить по школе, разглядывая колонны и картины в золочёных багетах, а сразу же направляется к кабинету директора.

¹ Сандрик – архитектурное украшение в виде карниза или небольшого фронтона над оконным или дверным проёмом на фасаде здания.

Сегодня субботний день, поэтому в здании почти нет людей, и от этого окутанные стариной и полумраком залы кажутся ещё таинственнее. Андрей Васильевич встречает всю нашу компанию прямо на пороге своего кабинета и сразу же начинает жарко благодарить:

– Я так рад, что вы нашли минутку к нам заскочить!..

Этот высокий худой человек так не подходит старинному величественному зданию, что даже не верится, что именно он тут всем руководит. Андрей Васильевич носит толстые очки в чёрной круглой оправе, костюм какого-то неясного графитового оттенка висит на нём мешком, а лоснящиеся на коленях брюки только ещё больше портят впечатление о нём как о директоре школы.

Разве может такой человек сидеть за обитым зелёным сукном столом, который минимум вдвое его старше, обставленный со всех сторон точёными гипсовыми бюстами великих людей прошлого? Андрей Васильевич не соответствует ни своему кабинету, ни всей школе, ни, кажется, даже собственной должности.

– Мы тут по делу, – очень сухо отвечает тётя Анфиса, поправляя мелкие жемчужные бусы на худой шее. – Так что давайте не будем терять время.

– Конечно-конечно! – заискивающе улыбается директор, чуть ли не светясь от счастья, что наша семья почтила его обитель визитом. Он быстро ныряет в один из боковых коридоров, ведущих в глубь здания, и приглашает нас проследовать за ним. – А это, значит, всё ваши детки? – чтобы прервать неловкое молчание, интересуется Андрей Васильевич, не сбавляя шага и оглядываясь на нашу разношёрстную компанию. – Помню, в прошлый раз ваша сестра приходила лишь с одной девочкой. А я что-то даже не удосужился ничего спросить! Ну, сами понимаете, меня тогда больше волновали те жуткие вещи, творящиеся у нас в коридоре!..

– Это мой дорогой сыночек Дима, а это мои племянницы, – очень лаконично представляет нас Анфиса, для которой вся эта работа в выходной день совсем не в радость. На её худом лице с накрашенными яркой помадой губами проступает раздражение вперемешку с досадой.

– Племянницы? Значит, дочери вашей сестры Инессы? – продолжает допытываться директор, поворачивая в очередной длинный коридор с рядами красноватых пузатых колонн.

– Нет, – довольно едко отвечает тётя. – Это дочери-погодки моей другой сестры, Софии.

– А почему я никогда не видел её с вами? Инесса мне даже ничего не рассказывала о вашей третьей сестре!..

Тут неожиданно подаёт голос Ольга, для которой любое упоминание о матери никогда не проходит безболезненно.

– Потому что наша мама умерла! – отчаянно восклицает моя сестра, стиснув зубы.

Ей всегда тяжело говорить о матери, как и всем нам. И мы стараемся защищать её память от любых нападков, поскольку и так владеем лишь жалкими крохами воспоминаний о ней и не хотим утратить и их.

– Ох, – тяжело вздыхает директор, споткнувшись на ровном месте, – я прошу прощения за своё любопытство! Очень печально это слышать...

Больше он уже ничего не говорит и не лезет к нам со своими пустыми расспросами.

Вскоре впереди показывается круглая площадка в обрамлении неглубоких ниш, в каждой из которых установлено по мраморному или гипсовому бюсту. Здесь три двери, и Андрей Васильевич, выбрав самую непримечательную и обшарпанную, легко распахивает её.

Мы заходим в узкое помещение, заполненное одинаковыми партами и скамейками. Аудитория тянется далеко вперёд и заканчивается двумя высокими окнами, выходящими на улицу. Справа от двери висит старая, зелёного цвета доска с меловыми разводами, рядом ютится кривой учительский стол. Все стены до самого потолка, теряющегося в тених, увешаны картинами в тяжёлых багетах. Маленькие и огромные, овальные и квадратные – всё это групповые и одиночные портреты, и я, скользнув по ним безразличным взглядом, быстро оглядываю остальной кабинет.

Парты стоят как попало, все они пусты, кроме одной возле окна. За ней сидит молодой парень, который что-то старательно пишет в тетради. Едва мы переступаем порог, он устремляет на нас свой взгляд, в котором читается явное удивление.

Ещё бы он не удивился! Вся наша толпа выглядит сегодня так странно, что, пока мы шли от дома до школы, не было ни одного прохожего, не обернувшегося нам вслед. Тётя Анфиса, несмотря на своё вполне приличное сероватое однотонное платье, надела по совету Инессы широкий пояс с травяными скрутками для окуривания и такой же застегнула вокруг пухлого живота Димы. Лерочке доверили корзину со свечами всех расцветок, а Оля старательно прятала под длинной футболкой закреплённый на поясе шорт чёрный нож. Мне же пришлось нести целый мешок со всей остальной мелочью: перьями, верёвками и нитками, различными минералами и другими предметами, которые могли понадобиться уже на месте. Поскольку никто не знал, что же точно ожидает нас в художественной школе, мы забрали с собой практически половину гнезда, чтобы не пришлось потом бежать обратно за тем, что забыли.

– Ну вот, собственно, мы и на месте! – прокашлявшись, говорит директор, обводя рукой аудиторию, словно в объяснениях нет никакой надобности.

Анфиса проходит вперёд, старательно принохиваясь и осматриваясь. Она скользит между партами, легко касаясь их пальцами. Мы все неторопливо бредём следом, заглядывая под скамейки и шурясь от яркого солнечного света, льющегося в высокие окна. Практически на всех партах то здесь, то там мы замечаем прикреплённые скотчем белые листы с напечатанными на них предупреждениями:

«Если вы видите **ЛИЦА**, не пугайтесь! Они скоро исчезнут сами собой».

Везде одна и та же надпись, видимо, оставленная здесь для учащихся.

– И в чём же проблема? – спрашивает наконец Анфиса, когда ей надоедает ждать прилива красноречия у директора.

– Видите ли, как я уже говорил по телефону, у нас тут постоянно появляются лица... – запинаясь, невразумительно бормочет Андрей Васильевич.

– Это я уже слышала, – недовольно говорит тётя, поглядывая на него сверху вниз. – Мне нужны подробности. Где появляются? Что делают? Как вообще себя ведут? Я вам не какая-то дешёвая ясновидящая, догадки строить не собираюсь! Не тяните время, рассказывайте уже нормально.

Анфиса явно не в духе, и нам с сёстрами остаётся только радоваться, что её гнев сейчас направлен на бедного, сжавшегося от испуга директора, сразу растерявшего весь свой задор.

– Они просто стали однажды появляться, и всё, – робко бормочет Андрей Васильевич, опасаясь даже взглянуть на тётю. – Сперва проступали на партах, на полу, на стенах как какие-то оттиски. Рты распахнуты, глаза закрыты, как у иссохших покойников... В первый день ученики перепугались и вообще отказывались заходить в этот кабинет. Впрочем, как и преподаватели...

– Можно без художественных сравнений, – строго произносит Анфиса, скрещивая руки на груди и опускаясь на одну из деревянных скамеек. – Это всё и так ясно. Что было дальше?

– Они стали плавать по воздуху, постоянно перемещаясь в пространстве. Иногда ученики и за целый день могли ни одного лица не увидеть, а на другой – с самого утра слышался визг из аудитории, потому что ещё одну девочку или мальчика напугали лица, вновь и вновь проступающие посреди доски или на скамейке.

Анфиса опасливо косится на скамейку, на которой она сидит. Там никаких лиц нет, но почему-то спокойнее никому из нас от этого не становится. Жутковато, знаете ли, слушать подобную историю и при этом глазами обследовать парты, выискивая любые намёки на призрачные лики.

– А меж тем, – продолжает директор, – занятия-то вести здесь как-то надо. Аудиторий и так вечно не хватает. Вы не приходили, хотя я звонил постоянно. Но вот ученики наши

оказались смекалистыми. Когда все уже поняли, что ничего дурного лица не делают, а только пугают, то ребята решили избавиться от них своими силами.

– Я ведь уже давно говорила вам, что самодеятельность в подобных делах недопустима! – мгновенно взрывается обвинениями Анфиса, вскакивая со своего места будто ужаленная.

– Я всё это помню, – начинает боязливо оправдываться Андрей Васильевич, на всякий случай отходя за преподавательский стол, чтобы тётке труднее было до него добраться. – Но что я мог сказать детям! К тому же ничего плохого они не сделали. Напротив, их смекалка очень даже помогла.

Анфиса демонстративно фыркает.

– Я правду говорю! Дети решили, что раз здесь появляются одни только лица, то, может быть, им нужны тела и головы, которых они лишены. Нарисовали пару картин без лиц, развешили на стенах, и знаете – помогло!..

Мы все переглядываемся между собой, а Дима дёргает за рукав свою мать, но та лишь отмахивается от него.

– Чем помогло? – ядовито интересуется тётка. – Если вы от этих лиц избавились, то зачем нас было дёргать? Или думаете, нам заняться нечем, кроме как сидеть выслушивать ваши истории?

– Так нет же! Лица всё ещё появляются. Просто теперь они возникают только на картинах, которые нарисовали для них наши ученики. – Директор обводит рукой стены аудитории, и только в этот момент мы замечаем то, чего никто не разглядел в самом начале. Все портреты, которыми комната увешана до самого потолка, не имеют лиц – на полотнах лишь пустые серые разводы.

Мне даже становится как-то не по себе. Потому что я была готова поклясться: когда мы переступили порог, лица на портретах присутствовали. Неужели это и были как раз те самые призрачные лики, которые теперь опять исчезли?

– Но мне бы всё равно хотелось, чтобы вы прогнали этих духов – или, даже не знаю, как правильно их назвать... привидений, – бормочет себе под нос директор. – Потому что даже на портретах они всё равно выглядят жутко и пугают моих коллег!

Мы всей толпой подходим ближе к стене и разглядываем тяжёлые рамы и шершавые полотна. Судя по количеству картин, здесь потрудились вся школа: где-то висят большие групповые портреты, на других стенах – изображения безликих старомодных женщин в пышных платьях, а на некоторых холстах – вполне себе современные молодые люди и девушки, но тоже с размытыми пятнами краски вместо лиц.

– И что мы будем делать? – шёпотом обращаюсь я к задумавшейся Анфисе. – Мы никогда с подобным не сталкивались...

– Цыц! – обрывает меня тётя. – Для начала надо бы поглядеть на эти самые лица.

– Вы не волнуйтесь! – сразу же вклинивается Андрей Васильевич, выходя из своего укрытия и опасно приближаясь к нам. – Скоро они проявятся! Сегодня весь день от них спасу нет. Нужно только немного подождать...

Он даже не успевает договорить, как прямо на наших глазах на портретах начинают проступать неясные дымчатые лики с искажёнными в немом крике ртами и крепко зажмуренными глазами.

Я резко отшатываюсь от стены, изумлённая и испуганная одновременно. Вместе со мной в сторону синхронно отпрыгивают Лера и Дима. Лица же безмолвно и медленно продолжают появляться на портретах как расплывающиеся пятна гнили. Их становится всё больше, и уже через минуту они полностью заполняют собой все стены аудитории, застыв на картинах.

– Ничего себе! – выдыхает Дима, нервно сжимая и разжимая свои вспотевшие кулачки.

– Как видите, вот так у нас обстоят дела... – кашлянув, изрекает директор.

Тётя Анфиса вплотную подступает к ближайшей к ней картине и вглядывается в одно из лиц. Оно не двигается. Совсем. Будто нарисованное, но при этом невооружённым глазом видно, насколько оно чужеродно на этом портрете.

– Я не *чую*, откуда идёт запах вредителя, – тихо говорит Ольга, старательно приносясь к воздуху вокруг.

– Я его вообще не ощущаю, – признаюсь я. В аудитории пахнет лишь старой рассохшейся древесиной, мелом, свежевыкрашенными полами и едва уловимо – металлом, но ничего подозрительного.

– Так и я о том же, – старшая сестра чуть ли не носом утыкается в картины.

– Не может такого быть, чтобы запаха не было, – раздражённо шипит Анфиса. – Вы, пигалицы, совсем не умеете *чутьём* пользоваться. А если не умеете, то зачем было тогда сегодня в помощницы напрашиваться, а? Прокую от вас никакого!

Мы с сёстрами сразу же обиженно поджимаем губы, но ответить нам особенно нечего, потому что тётя права – наше *чутьё* ещё слишком слабое, и пользоваться мы им умеем довольно посредственно. И, похоже, в данной ситуации имеющихся у нас возможностей попросту не хватает.

Зато Анфиса, довольная, что ей удалось уязвить нас, задирает нос и начинает расхаживать по аудитории, вынюхивая запах гнили как охотничья собака. Это продолжается минуту, две, три – и вот мы уже не без злорадства наблюдаем, как постепенно на лице тёти самоуверенность сменяется неверием, а затем уже и хмуростью.

– Здесь ничего нет, – наконец заявляет она.

– А я что говорила! – сразу же восклицает Ольга – и получает в ответ испепеляющий взгляд Анфисы.

– Может оказаться, что вредитель засел в этой школе гораздо глубже, чем я думала, – тем временем продолжает тётя с нарочито серьёзным видом. – Если его нет в этой аудитории, это значит, что он разросся до таких размеров, что вполне способен безобразничать в разных помещениях.

– А может, он просто там, – Лерочка указывает пальцем вверх, – под потолком?.. И мы ничего не *чуем* отсюда.

– Это тоже не лишено смысла, – неожиданно соглашается Анфиса и начинает снимать у себя с пояса различные травяные скрутки, раскладывая их на одной из парт. – Раз вы напросились на эту работу – вот и будете этим заниматься. Давайте приступайте. Найдите мне дровоточца или хотя бы избавьтесь от этих лиц.

Мы с Олей одинаково кривим губы, но делать нечего. И правда: сами ведь хотели, чтобы нам доверили сложное дело – значит, возмущаться не имеем права.

Пока Анфиса, с удовольствием расположившись за партой, любит своим маникюром, всем видом демонстрируя нам, как ей глубоко безразлично, что мы будем делать, мы с Олей снаряжаем Лерочку подожжённой скруткой из полыни и отправляем бегать по всему помещению.

– Гляди внимательно, – кричу я вслед убегающей сестре, – если где погаснет – там присмотришься и принохайся получше.

Запах горькой полыни многим противен, но вредители не любят его особенно, и выкуривать их из логова пучком травы подчас оказывается проще всего. Лера задорно носится по аудитории, размахивая над головой дымящейся скруткой. Удушливый горький запах заполняет всю комнату, и даже мы уже начинаем морщить носы. Бедный парень, который что-то мирно себе дописывал в тетради в углу, и вовсе заходится кашлем и косится на нас с ещё большим изумлением. Он явно никогда раньше не видел нашу семью в этих стенах и ничего не знает о методах нашей работы. Хотя, казалось бы, после нашего последнего посещения школы слухи об Инессе и её «ритуалах и обрядах», приравненных детьми к ведьмовской магии, расплозились по всему району за пару дней, обеспечив нам непрерывный поток заказов на целый месяц.

Спустя некоторое время скрутка гаснет. Правда, не по воле вредителя, а оттого, что она закончилась.

– Бесплезно, – недовольно ворчит Ольга. – Что там у нас дальше по списку? Пора уже обнаружить, где он засел.

А дальше по списку у нас разнообразие всяческих средств. Не зря же мы несли эти мешки и корзины! Нет, не зря!

Пока Оля расставляет по помещению зажжённые свечи всех цветов и размеров, наблюдая за поведением огня и окрашиванием воска, мы с Лерой и Димой, разделив между собой горсти минеральных камней, как лунатики бродим по аудитории, не сводя глаз со своих ладоней. Камни такие же чуткие инструменты, как и травы со свечами. Одних притягивают эманации вредителей, другие помогают отследить остаточный след древоточца, а третьи выявляют многие странности нашего и чужих миров.

– У меня что-то есть! – кричит Дима из дальнего угла.

Мы с сёстрами сразу же бросаемся к нему. В его сложенных лодочкой ладонях все камни выглядят по-старому, кроме небольшого осколка зелёного флюорита, который рассыпался в труху, усыпав пальцы Димы изумрудного цвета крошкой.

– Я не помню, что это значит, – хнычет брат, раздосадованный, что память так его подводит.

– Это значит, что здесь есть открытый проход, из которого тянет воздухом с другого дерева, – без запинки отвечаю я, вспоминая старые уроки тётушки Инессы. – Зелёный флюорит – хрупкий камень, он не выдерживает дуновения ветра из иного мира.

– Тройняшки, что вы там раскопали? – окликает нас Анфиса.

Хотя на самом деле мы не сёстры-тройняшки, а лишь погодки, но в гнезде давно уже существует негласная традиция называть нас так для удобства, что меня, например, всегда раздражало. Нас словно все пытаются воспринимать как одно целое, а не как трёх разных личностей!

Мы сразу же все синхронно поворачиваем головы к тёте.

– Здесь где-то есть лаз в соседний мир – ветви деревьев соприкасаются, – отвечает Оля.

– И что с того? – Анфиса скептически поднимает одну бровь. – Этих проходов всюду немислимое количество, и естественных, и рукотворных. Если мы будем каждый обследовать или закрывать – жизни не хватит! Вы мне обещали древоточца найти, а не по веткам лазать в соседние измерения!

Оля кисло кривится и предлагает нам продолжить обход. Однако в конце концов это так ни к чему и не приводит. Ни один из камней, кроме зелёного флюорита Димы, на творящееся в аудитории не реагирует.

Теперь в ход идут верёвки, узелки, перья и прочие мелочи, но ситуация так и не меняется. Где засел вредитель, никто по-прежнему не понимает.

Андрей Васильевич от скуки уже облокотился подбородком на руку и тихо дремлет за учительским столом, а парень, сидящий за дальней партой, забыл обо всех своих записях и только с глуповатой улыбкой следит за нашими бесплодными попытками найти древоточца. Мне даже становится немного стыдно, что без тётушек мы такие пустоголовые неумёхи.

– Ладно, сдаюсь, – заявляет наконец Оля. – Не знаю, где он засел, но все наши средства и инструменты до вредителя попросту не достают. Давайте тогда пойдём от обратного.

– А это как? – любопытствует Лера, поправляя заколки на своих коротких светлых волосах.

– Попытаемся избавиться от лиц. Глядишь, найдём след или заставим этого древоточца показаться.

– Да как будто ты знаешь, как от них избавиться! – подаю я голос, скрещивая руки на груди. – Я такого раньше не видела и о подобном не читала. Как заставить исчезнуть призрачные лица?..

– Любому действию есть противодействие! Нужно лишь понять, что им может не нравиться.

– Будь я лицом, – углубляюсь я в рассуждения, – мне было бы очень неприятно, если бы меня стал кто-то обзывать... Когда всё, что у тебя есть – это нос, рот и два глаза, то за неимением чего-то другого поневоле начинаешь ценить их безмерно. И грубые слова уязвляют вдвое сильнее.

Со стороны Димы раздаётся короткий смешок.

– Ну давай! – с сомнением велит Ольга. – Твоя идея, ты и пробуй!

Я приближаюсь к стене, взглядом скольжу по портретам, пока не останавливаюсь на одном, который кажется мне довольно примечательным. На нём изображён высокий рыцарь в потемневших латных доспехах и с длинным мечом. Забрало его блестящего шлема с пышным красным плюмажем поднято, а на месте лица – лишь искажённая криком гримаса с закрытыми глазами.

– До чего же ты уродлив! – несмело начинаю я шептать портрету. – Кожа вся висит, глаза запали, рот огромный, а губы тонкие, как две ниточки! На тебя даже смотреть жутко! Встретишь такую рожу ночью в тёмном переулке – убежишь, сверкая пятками!

Лицо на картине никак не реагирует, будто не слышит. Это распаляет меня ещё больше, и я уже завожусь не на шутку.

– Да ещё к такой страшной физиономии подобрал под стать и всё остальное! Доспехи грязные, ноги кривые – будто по ним кто-то палкой прошёлся! Небось под этими доспехами ещё и такие уродства есть, что неохота даже латы снимать! Ну и висеть бы тебе в самом тёмном углу подвала, а не в центре аудитории!..

Я не свожу с картины глаз, но лицо даже не шелохнётся.

– Ладно тебе, Варька, хватит грязными словами язык пачкать, – поморщившись, просит Анфиса.

– А ещё идеи у тебя есть? – интересуется Оля, с любопытством наблюдающая за мной со стороны.

– Есть одна! – восклицаю я. – Никакому лицу не понравится, если его расцарапать! – Я начинаю корябать портрет своими короткими, но острыми ногтями. Забыла их недавно подстричь – и вот они пригодились!

Краска с картины забивается мне под ногти, но я не обращаю на это внимания и продолжаю свои варварские действия. За учительским столом начинает недовольно ворчать Андрей Васильевич, возмущённый тем, что портят школьное имущество, а вернее – работы его учеников. Но Анфиса лишь шикает, и директор замолкает.

А тем временем моя идея начинает давать плоды!

Изрезанное царапинами лицо неожиданно распаивает глаза и начинает кричать. Нет, даже не кричать, а вопить! Вопить жутко и протяжно, будто его терзает реальная боль. Мне становится так не по себе от этого крика, что я спешно отскакиваю в сторону и замираю на месте, слыша, как ходуном ходит сердце в груди.

– Что ты наделала?! – испуганно пищит Дима, как будто сжимают и разжимают резиновую игрушку. – Ему это явно не понравилось!..

Лица на всех картинах в аудитории поднимают веки, под которыми чернотой сочится пустота глазниц. Из их прежде немых ртов вырывается единый протяжный горестный плач, заполняющий в одночасье весь кабинет. От этого чудовищного воя в окнах звенят стёкла, а маленькая Лера зажимает уши ладонями.

Директор, побелев как полотно, что-то испуганно бормочет со своего места, наполовину спрятавшись за столом. Сидящий в углу парень, едва успев подхватить свой рюкзак, пулей вылетает из аудитории с выпученными глазами.

А через полминуты всё это резко обрывается. Крик замолкает, и лишь последние его звуки ещё дрожат в оконных стёклах и мечутся в прозрачных плафонах люстры высоко под потолком.

Лица одно за другим исчезают со всех портретов в аудитории.

Глава 4 Валафамида

Дома непривычно пусто. Обычно мы стараемся кого-нибудь из членов семьи на всякий случай всегда оставлять в гнезде, но в этот раз Инесса всех нас проводила в художественную школу и сама тоже куда-то убежала. Ближе к полднику в замочной скважине двери нашей детской раздаётся лязганье ключа, и в прихожей появляется тётушка, отряхивая чёрную юбку и блузку от налипшей на неё белой шерсти.

– А, вы уже вернулись? – едва заметив нас, сидящих в комнате Анфисы, спрашивает Инесса, вешая свой медный ключ на шею и убирая его под одежду.

– Ой, тётушка! – Лера бросается ей навстречу, раскинув руки в разные стороны. – Мы сейчас тебе такое расскажем!..

– Да неужели, мой птенчик? – Инесса заключает племянницу в объятия и ласково ерошит её светлые волосы. – Как прошёл сегодня день?

– Мы прогнали лица! – гордо отвечает Лерочка, широко улыбаясь и зияя чёрным провалом на месте клыка, выпавшего у неё совсем недавно. Глядя на такую улыбку, очень сложно бывает не улыбнуться в ответ, и тётушка Инесса тоже расцветает, любуясь своей радостной племянницей.

– Ну, поделитесь со мной подробностями! – просит тётя и ступает следом за Лерой в комнату Анфисы, где мы все как раз сидим: кто на раскладном диване в углу, кто на кровати или прямо на ковре на полу.

Дима помогает матери рассортировать минералы обратно по мешочкам и шкатулкам, где они обычно хранятся, Оля не отводит глаз от экрана своего планшета, опять погрузившись с головой в переписку с Антоном, а я, до этого момента заплетавшая Лере короткие кривые косички на макушке, теперь лишь растягиваю пальцами резинки и жду, когда сестра вернётся на место.

– Ой, фу! – восклицает Анфиса, едва завидев на пороге комнаты Инессу. – Откуда столько шерсти принесла? Ты же знаешь, у меня сразу начнётся аллергия!

Тётушка чуть виновато и вполне по-доброму улыбается и разводит руками:

– Была в гостях у Валафамиды. Нужно было забрать несколько книг и материалов, которые она подготовила. Засиделась немного, заболталась. А там, сама понимаешь, Ах непременно пожелал посидеть у меня на коленях. Ну тянет этого проказника на чёрные вещи, тут уж ничего не поделаешь.

Анфиса морщится и бросает в сторону сестры липкий валик для шерсти:

– Лишь бы к нам его больше не приводили. Терпеть не могу этого кота. Снёс хвостом целую полку моих фарфоровых статуэток, а потом его ещё и стошнило на мой ковёр! У, противный зверь!..

Я прячу улыбку за пеленой своих едва доходящих до плеч волос. Видно, что и Оля давится смешком, но вовремя делает вид, что всё её внимание занимает планшет и последних слов Анфисы она не слышала.

Семейство Валафамиды действительно первым и единственным своим приходом в наше гнездо полгода назад оставило после себя довольно яркие и неизгладимые воспоминания. Началось оно с того, что рано-рано утром, едва только показалось солнце, на лестничной клетке раздался грохот захлопнувшейся соседской двери, который разбудил не только всех нас, но и ещё добрую половину дома. И почти сразу же пронзительной птичьей трелью затрезвонил наш дверной звонок. Он пел без остановки до тех самых пор, пока Анфиса, ругаясь и шаркая тапками, не соизволила появиться в коридоре и распахнуть входную дверь.

– Батюшки!.. – проговорила она, а затем последовала глубокая всеобъемлющая тишина.

Конечно же, уже через минуту мы с сёстрами высунули свои любопытные носы в коридор и из-за косяка принялись наблюдать за происходящим. Напротив нашей комнаты открылась дверь спальни Инессы, и она, торопливо запахивая свой атласный чёрный халат, поспешила на подмогу Анфисе встречать незваных гостей.

А на гостей хотелось смотреть и смотреть. Потому что когда порог нашего гнезда переступила троица высоких женщин в длинных, волочащихся по полу синеватых бархатных мантиях, мы все потеряли дар речи. Впереди ступала старшая, глава семьи с медным ключом на шее и с блестящими волосами цвета обсидиана, спадающими гладкой волной до самых пят. Её канареечно-жёлтые глаза в половину бледного лица были лишены век, и потому она совер-

шенно не моргала, сверля своим пугающим взглядом тётю Анфису. Правда, и сказать она тоже ничего не могла, поскольку её рот, как и рты её спутниц, оказался плотно стянут узкой металлической полоской.

За её спиной неподвижно стояли две совершенно неотличимые друг от друга молодые женщины, её дочери, и у одной из них на руках возлежал худой, но всё равно довольно крупный кот белоснежного цвета. Он раздражённо бил раздвоенным кончиком хвоста по воздуху и то и дело поворачивал свои гигантские, как паруса, уши в разные стороны, прислушиваясь к звукам квартиры.

Как только Инесса появилась в прихожей, старшая молча склонилась перед ней в неглубоком поклоне и протянула ей плотно свёрнутый свиток, явно сделанный из кожи. Как мы узнали позже, это был дар Валафамиды в честь знакомства, поскольку обмен знаниями среди стражей Леса был достаточно распространённым явлением.

– Мы рады встречать вас в нашем скромном гнезде, – уважительно ответила Инесса, принимая подарок и жестом приглашая гостей пройти на кухню.

– Мы рады быть здесь, – неожиданно раздался откуда-то громкий и звонкий голос старшей, хотя рот её по-прежнему оставался стянут стальной полоской. – Моё имя Валафамида. А это мои дочери – Валафамидана и Валафамидари. – Её голос шёл вовсе не изо рта, а, казалось, рождался сразу в прихожей, наполняя собой всю квартиру как эхо. Для нас с сёстрами это было до того удивительно, что мы боялись даже пошевелиться лишней раз: так и стояли, наполовину высунувшись из детской, как любопытные, но боязливые мыши.

Тётушки проводили гостей на кухню, быстро накрыли стол, приготовив чай и достав разные угощения. Едва мы, уже переодевшись и приведя себя в порядок, тоже пожелали сунуть свои длинные носы на кухню, Анфиса торопливо нас оттуда вытолкнула, шипя при этом, как потревоженная гадюка:

– Нечего вам тут крутиться, тройняшки! Здесь будут вести беседы взрослые!

– А мы что, не взрослые?! – возмутилась Оля.

– Почему тогда Диме можно с вами сидеть? – не осталась в стороне и я, указав через приоткрытую дверь на розовощёкого брата, который с довольным видом жевал печенье и во все глаза рассматривал гостей. Вот вечно так! Ему всё самое лучшее, а мы опять среди отстающих...

– Ему нужно позавтракать, иначе у него заболит живот! – вступилась за сына мать и активнее принялась выталкивать нас в коридор. – А вы потерпите!

Мы были вынуждены отступить. Но едва Анфиса с видом победительницы скрылась на кухне, как мы тут же просочились в её спальню, откуда всегда очень удобно подслушивать разговоры, и, прильнув ушами к стене, стали удовлетворять своё любопытство. Семья Валафамиды оказалась вовсе не с соседнего дерева, как мы изначально предполагали, а из куда более дальней части Леса. Правда, и в наше гнездо их привела не простая любезность, а серьёзные дела. Оказалось, что в мире Валафамиды, где все проходы между деревьями, естественные и рукотворные, строго контролировались и всегда были заперты, появилась пара преступников, которые научились рыть собственные ходы и воровать из миров различные диковинки, чтобы после втридорога их продать случайным покупателям или же обменять на что-нибудь особенное у Блуждающих торговцев, обитающих в тенях деревьев. Такого нельзя было допускать, поскольку вещи из одного мира часто могли крайне дурно повлиять на другие измерения.

Валафамида обратилась к Инессе за помощью, так как один из последних разрытых преступниками проходов вёл как раз в наш мир и нужно было попытаться устроить засаду, чтобы поймать воров и вернуть их на дерево Валафамиды, где им полагалось заслуженное наказание.

Хотя всё это было ужасно завлекательно, мы с сёстрами тогда всё равно очень заскучали, поскольку переговоры о сотрудничестве между двумя старшими на нашей кухне длились не один час, и нам откровенно было лень их слушать. На наше счастье, демонстративно приот-

крыв лапой дверь, на пороге комнаты тётки Анфисы появился крупный белый кот Валафамиды и её дочерей. У него был большой нос и выдающиеся клыки, а также зычный голос, о чём мы довольно быстро узнали. Судя по медальону на ошейнике, кота звали Ах, и мяукал он достаточно басовито, чем не на шутку испугал Лерочку в первые же минуты своего появления.

Но даже это нас не смутило. Завести дома кота или кошку всегда было нашей с сёстрами тайной мечтой, которой не суждено было сбыться из-за аллергии тётки Анфисы, а потому мы принялись одаривать Аха своей любовью и нежностью с небывалым усердием. Вскоре заглаженный и заласканный кот попытался от нас сбежать на одну из полок шифоньера, но промахнулся, попутно разбив несколько статуэток Анфисы.

Мы сразу же втянули головы в плечи, зная, как сильно нам достанется из-за этого. Но Ах, совершенно не понимая, какие законы царят в этой комнате, принялся бегать по стенам, полкам и полу как бешеный заяц, цепляясь когтями за всё подряд, грозно мяукая своим низким голосом и наталкиваясь на мебель. Мы долго пытались его поймать, пока на шум и наши крики из кухни не прибежала Анфиса с круглыми от страха глазами. Лере как раз удалось перехватить кота под живот, и она, крепко прижимая к себе мохнатого разрушителя, упала вместе с ним на пол.

– Ах!.. – ахнула тётка, едва заметив осколки разбитых фарфоровых фигурок и общий хаос в её спальне.

Зато теперь стало предельно ясно, отчего коту было дано именно такое короткое, но очень подходящее ему имя.

Лера сильнее стиснула вырывающегося Аха, на что он отреагировал совершенно неожиданно. Его стало тошнить и в конце концов вытошнило клочком шерсти прямо на ковёр Анфисы под возмущённые крики нашей тётки.

С того самого дня белому коту было категорически запрещено появляться у нас в гнезде. Валафамида и её дочери отбыли только к вечеру того дня, и после ещё почти неделю Инесса пропадала в ином измерении, помогая отыскать следы воров, научившихся копать межмировые проходы. В конечном итоге преступников удалось поймать, и между нашими семьями даже возникло что-то вроде неплохой дружбы. Но в гости к нам они больше никогда не приходили. И только Инесса ещё периодически пропадает на том дереве, всегда возвращаясь домой вся в белой шерсти.

А мы с сёстрами очень скучаем по Аху. Он хоть и тот ещё проказник, но одно нас с этим котом всё же объединяет – искренняя и чистая нелюбовь к Анфисе.

– Просто чудовище какое-то, а не кот! – продолжает возмущаться тётка, наблюдая как Инесса счищает с себя валиком остатки шерсти.

– Да хватит ворчать, Анфиска, – осаживает её сестра. – Давайте лучше поставим чайник, попопдничаем, а Лера пока расскажет, как вы там справились в школе.

Меня, как самую не занятую в комнате, отправляют на кухню вскипятить воду. Вот вечно так! Почему бы им не отвлечь Олю, которая только тем и занята, что смотрит в планшет с довольной улыбкой!

Я нехотя поднимаюсь и выхожу в коридор. Двери большинства комнат в гнезде открыты, через распахнутые занавески просачивается совсем слабый солнечный свет, едва находящий в себе силы пробиваться сквозь серые заслоны грозовых туч, запечатавших небо. Накрапывает небольшой дождь, но, судя по порывам ветра, от которых дребезжат стёкла в оконных рамах, совсем скоро начнётся сильная и яростная гроза, каких давно уже не было.

Едва я поворачиваю за угол, как моё тело само собой каменеет от ужаса, и я застываю на месте как недвижимый идол. Передо мной открылся небольшой участок коридора, уводящий на кухню. Её дверь распахнута во всю ширь, виден наш круглый обеденный стол, накрытый бордовой скатертью, холодильник, на котором висят на магнитах старые рисунки Леры, а позади него на подоконнике стоят фиалки и цикламены тётушки Инессы. Идиллию нарушает

лишь одна чуждая этому месту фигура, замершая возле стены. В немом молчании там возвышается высокий рыцарь в латных доспехах с красным плюмажем на шлеме.

Ведь это тот самый рыцарь с портрета в художественной школе!

Горло сдавили тиски страха. Я не могу ни вдохнуть, ни закричать – только продолжаю с ужасом смотреть на сошедшую с картины вполне себе живую и объёмную фигуру рыцаря.

Он не двигается. Стоит в паре метров от меня, уставившись в стену, на которой даже ничего нет. Потемневшие латы, громоздкий меч – всё точно как на том портрете. Он так высок, что кажется, если поднимет руку, то легко сможет коснуться наших далеко не самых низких потолков.

Что он тут забыл? Как появился здесь?

Вопросы один за другим заполняют голову. И вроде бы я должна закричать, чтобы позвать тётушек и сестёр, сидящих совсем рядом, через стенку, но у меня изо рта не вырывается ни звука.

Рыцарь медленно, будто в дурном сне, поворачивает голову в мою сторону. Забрало шлема поднято, а внутри него – пустота. И именно это зрелище возвращает мне голос. Тонкий писк ужаса вырывается из горла, и раньше, чем я успеваю об этом подумать, моё тело уже брошено вперёд, напрямиком к высокой и мрачной фигуре рыцаря.

Что же это я делаю?! Зачем бегу к нему?!

Даже себе не могу ответить на эти вопросы. Ноги будто совсем меня не слушаются, а действуют сами. Наверное, это адреналин придаёт мне сил и вынуждает защищаться, а не стоять столбом на одном месте.

И вот я, подпрыгнув и нелепо вытянув вперёд ногу, совсем как в старых комиксах про единоборства, которые я раньше обожала, врезаюсь в тело рыцаря. Моя нога, практически не встретив никакого сопротивления, легко проминает доспехи, и они начинают рассыпаться. Едва я неловко приземляюсь на пол после своего грандиозного прыжка, как позади уже слышатся торопливые шаги спешащей на подмогу семьи, а вся фигура рыцаря разваливается на куски, которые при ближайшем рассмотрении оказываются глиняными обломками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.